

М. Н. Лукашев

**СЛАВА
БЫЛЫХ
ЧЕМПИОНОВ**

**ЛЮБАЯ
ПОДЛИННАЯ ДОБЛЕСТЬ,
В ТОМ ЧИСЛЕ И СПОРТИВНАЯ, —
ЭТО ТОЛЬКО ТА,
ЧТО ПРОЧНО СМЫКАЕТСЯ
С ДОБЛЕСТЬЮ
ГРАЖДАНСКОЙ!**

М. Н. Лукашев

**СЛАВА
БЫЛЫХ
ЧЕМПИОНОВ**

Москва
„Физкультура и спорт“
1976

Лукашев М. Н.

Л84 Слава былых чемпионов. М., «Физкультура и спорт», 1976 г.

96 с. с ил.

Многолетние изыскания в области истории спорта позволили автору создать увлекательную книгу. На ее страницах рассказывается о встрече кулачного бойца гренадера Петра I с лондонским чемпионом по боксу, о забытой ныне «Атлетической арене Михаила Кистера» — одного из пионеров русского спорта; о начальных шагах борьбы самбо и многом другом, что удалось разыскать автору в спортивных архивах.

Л $\frac{60902-043}{009(01)-76}$ 18-76

7А3.3

В черной речной воде отражались тревожные отсветы полыхавшего вполнеба багрового зарева. Слышался глухой топот неподкованных степных коней, лягж яростно спибававшихся клинков, гортанные чужезычные клики и истошные вопли раненых. А когда рассветало, дымились пепелища разграбленных домов, неприбранные трупы расклевывали вороны и, задыхаясь от слез, брели по пыльной дороге женщины и ребятишки, которых победители гнали в полон, как скотину, — с толстой веревкой на шее. И все это: ужас ночных пожаров, смерть под кривыми саблями степняков, нестерпимая боль от ран и оттого, что уже никогда-никогда не увидишь тех, кто был самым дорогим в твоей жизни, — все это вмещалось в коротенькое слово «набег». Набег хазарский, набег печенжский, набег половецкий, набег татарский...

Тысяча лет в истории нашей планеты не такой уж значительный срок. Даже если она принесла человечеству куда больше достижений, чем предшествовавшие шесть тысячелетий вместе взятые. Черепаший ход прогресса одиннадцатого столетия нашей эры по сравнению с десятым способен уловить только наметанный глаз специалиста-археолога. Все же иные увидят одинаково грубо откованные из железа сошники и совершенно изъеденные ржавчиной наконечники копий, шелома, клинки мечей.

Невероятно медленно, из века в век, поднимался уровень человеческих знаний, развивалась техника, зарождались науки. Но чем ближе к современности, тем заметнее и заметнее становилось ускорение. Пока, наконец, наш XX век не принес невиданно стремительных темпов развития. Темпов, нараставших от десятилетия к десятилетью с головокружительной быстротой. И вместе со всеми иными достижениями человеческой культуры, как ее неотъемлемая часть, в том же стремительном ритме изменялся и рос спорт.

Слово «спорт» впервые появилось в словаре русского языка всего лишь сто лет назад. Впрочем, отсутствие в лексиконе этого слова вовсе не мешало нашим предкам с незапамятных времен азартно мериться силой, ловкостью и быстротой. Удалая потеха —

молодецкий кулачный бой или богатырская схватка борцов были древнейшей традицией.

У одного и того же народа исстари существовали два различных эстетических критерия. Один — «хозяев» страны, другой — простонародья. Существовал еще и третий, весьма авторитетный, — церковный. Там за идеал человеческого тела почитался скелет, плотно обтянутый пергаментом кожи. Именно такая степень смирения плоти почиталась наилучшей «формой» для иступленного устремления к богу. Величайший авторитет древности — церковь постоянно и гневно осуждает суетные, греховные забавы своей паствы, грозя и призывая на головы грешных страшные кары небесные.

Пращуры наши молились усердно, последний грошник, бывало, тащили в бездонную церковную кружку, строили во славу божью соборы изумительнейшей красоты, но вот отказаться от своих языческих, безбожных забав из века в век нипочем не желали.

Нынешней вездесущей статистики в те времена не знали. Но лет этак через восемьсот ученые подсчитали, что в среднем через каждые два-три года обрушивались тогда на русскую землю войны, набеги или иные невзгоды. И самые истовые молитвы, самые голодные посты оказывались бессильными перед свирепым натиском диких кочевников.

Старейший киевский храм — Десятинная церковь, подожженный взявшими город татарами, рухнул, похоронив под своими развалинами тех, кто искал в священных стенах последнее убежище.

Нет, против степных хищников помогала только мощь широченных плеч да тяжелой руки, хороший удар со всего маха увесистой булавой или большим булатным мечом так, чтобы расплатать врага надвое, прямо до самого седла...

Когда старинный доспех примеряют на современного человека, почти всегда выясняется, что железная одежда ему маловата. Мы изрядно переросли своих далеких предков, вдвое увеличили среднюю продолжительность жизни, но при всем том в смысле мускульной силы и выносливости, пожалуй, столь же сильно устушаем, насколько превосходим в интеллекте. Не в переносном, а в самом буквальном смысле работали они как лошади, а зачастую даже больше этих дорогостоящих и оберегаемых в хозяйстве животных. Все, абсолютно все делалось вручную. Труд невероятно утомлял, но ведь вместе с тем и тренировал, приносил силы, выносливость! Казалось, как чудовищно должен был уставать человек при таких огромных нагрузках! Так ведь нет, даже в забавах наши предки с необъяснимой щедростью снова и снова расходовали свои силы, свою плескавшую через край энергию...

В ту далекую суровую эпоху выживали только сильные. Сильные физически и духовно!

ИМЯ ИЗ ЛЕТОПИСИ

«Гардарики» — страна городов. Так называли Древнюю Русь ее единственные и беспокойные северные соседи — варяги. В этом слове звучало их уважительное удивление и далеко не бескорыстный интерес. Отважные мореходы, лихие вояки и отпетые разбойники, исколесившие все европейское побережье от Норвежского до Черного моря и доплывшие даже до берегов Америки, они не так уж часто встречали страны со столь многочисленными и богатыми городами. Мощные крепостные стены, вознесенные над высокими берегами рек, нарядные княжеские терема в затейливых узорах белокаменной резьбы и величественно-изящные церкви, ослепительно сиявшие на солнце золотом всех своих крестов и куполов. А еще — многолюдные чистые улицы с редкостной по тем временам дубовой мостовой и шумливая пестрая толча великих торжищ, куда стекались купцы почти всех стран Запада и Востока. Словом, все то, что потом, в середине XIII века, будет почти без остатка порушено, сожжено, втоптанно в землю свирепой и бессмысленно-дикой лавиной монголо-татарского нашествия...

На целых семь столетий оказались похороненными шедевры древнерусской культуры. И только теперь, поднятое из пластов земли, бережно очищенное мягкой кисточкой археолога, пришло к нам в своей первоизданной красе то, что некогда было сработано искусными руками наших далеких предков: безымянных резчиков по камню и ювелиров, кузнецов и оружейников, живописцев, ка-

менщиков, плотников. Мы знакомимся с самобытной культурой древнерусских княжеств. И, конечно же, в толщах ее прослеживаем, среди многого иного, давние традиции физического воспитания — всего того, что способствовало подготовке сообразительного, сильного, ловкого и выносливого воина и труженика. Разумеется, эти традиции не составляли четкой системы физического воспитания, подобной той, которая была создана в Древней Греции. Веками за счет своего рода естественного отбора складывался устойчивый комплекс упражнений, дававший нашим пращурам насущно необходимые навыки.

Состязания в силе, ловкости и быстроте проводились еще с незапамятных времен — на языческих славянских игрищах. Воспринимались такие состязания всегда только как забава. Если же внимательно присмотреться к былым «забавам добрых молодцев», нетрудно оценить все их значение. Борьба и кулачный бой, особенно «стенка на стенку», были типичными приметам старинного русского быта. Они играли немаловажную роль в подготовке воинов. Приобщались к кулачным боям уже с юных ребяческих лет — наряду с играми в бабки или чехарду. Подрастая, юноши переставали бегать взапуски и навсегда оставляли свои прежние забавы, но вот схватываться в борьбе и ходить в кулачной стенке продолжали по-прежнему. Продолжали нередко даже тогда, когда в волосах уже начинала поблескивать седина, а в «стеношном» строю плечом к плечу становились их взрослые сыновья. Выходило, что дань этим удалым потехам отдавалась на протяжении почти всей жизни мужчины.

Что и говорить, древние забавы были суровеньки, а то и откровенно жестоки. Но заметить в них только это — значит ровным счетом ничего не понять. Ведь именно они приносили вместе с силой, ловкостью и боевыми ухватками действительную психологическую подготовку к будущим сражениям, давали бесценный навык мыслить и действовать в угрожающей, мгновенно изменяющейся обстановке рукопашной схватки. Учили чувствовать локоть товарища, взаимодействуя с ним. А ведь рукопашный бой был в те времена господствующей формой сражения. Вот и получалось, что бойцы, получая на игрищах ушибы и кровоподтеки, расквашивая носы, выходили, однако, потом живыми из самой жесточайшей сечи.

Из века в век жил у нашего народа этакий спортивный задор. Неумная страсть, сойдясь грудь с грудью в бурном

единоборстве, помериться и силой, и ловкостью, и искусством бойца. Помните, как поется в былине о беспутном новгородском богатыре Ваське Буслаеве и его лихой дружине?

И пришли во братчину в Никольщину.
А и будет день ко вечеру.
От малого до старого
Начали уж ребята бороться,
А в ином кругу в кулаки битися..

Захватывающие азартные единоборства признанных силачей украшали любое народное гулянье. И, конечно же, достойный победитель всегда вызывал восхищение, пользовался всеобщим уважением и почетом. О нем долго помнили, прославляли, а об иных слагали даже сказания и песни. Но знаем ли мы сегодня лучших русских атлетов древности? Посильная ли это вообще задача назвать имя хоть одного из них? Того, кто по праву мог бы быть признан «чемпионом Древне-Киевской Руси»? Ну хотя бы по борьбе, которая, как известно, была тогда уже широко распространена?

Где и искать непобедимых силачей, как не среди заступников земли русской — былинных богатырей, само имя которых стало синонимом силы. Все они наделены не только высоким благородством и мужеством, но еще и необычайной мощью, «богатырской силушкой». И боевая палица у них «в девяносто пуд», и, лишившись оружия в бою, могут они без всякого труда ухватить за ноги одного из врагов, «кой больше всех», и начать им «помахивать», отбиваясь от нападавших.

Естественно предположить, что сильнейшим не только в сражениях, но и в борцовской схватке окажется «наибольший богатырь», атаман заставы богатырской Илья Муромец. Мощью он превосходит всех своих боевых товарищей. И когда одолеть неприятеля оказывалось им не по силам, в решительное единоборство с незванным пришельцем вступал сам Илья и всегда одерживал победу...

Изломав оружие в смертельном поединке «в поле», не раз доводилось былинным богатырям завершать жаркую схватку с врагом безоружным единоборством. Так что этот навык имел каждый из них (как, впрочем, и любой древний воин). Но при всем том безвестные былинники особенно выделяют борцовское мастерство «податаманья», Добрыни Никитича. Если тот же Илья Муромец борется в основном уповая на огромную силу, то Добрыня делает

ставку на свое умение. Знаем мы даже о том, какой именно прием был у него самым излюбленным:

Стал-то Добрынюшка на возрасте.
Как ясной сокол на взлете.
Изучил Добрынюшка боротися.
Изучился он с крутой, с носка спущать.
Прошла про него слава великая...

Но что же это был за бросок такой — «спускать с носка»? Впоследствии, уже в XIX веке, русский этнограф описал сущность этого приема так: «...борец, покосив противника на правую сторону, вместе с тем подбивал ему носком правой ноги его левую ногу и этим способом мгновенно сшибал его с ног на землю...» Особенно искусно владели тогда этим приемом московские борцы. Бросок именовали «московским», и родилась даже поговорка «Москва бьет с носка». Дожил этот эффективный прием и до наших дней. В арсенале современной борьбы самбо он получил название «подбив голенью»...

Итак, Добрыня — признанный мастер борьбы, о котором прошла даже «слава великая». Рассказ о его победах можно встретить не в одной былине. Но особенно интересна та из них, в которой рассказывается, как Добрыня довелось «потягаться» с «набольшим богатырем», самим Ильей Муромцем. Много значила в борьбе физическая мощь, но, разумеется, издревле знали: есть нечто такое, что вполне успешно можно противопоставить и ей. Точно подметив и умело использовав момент, когда «атаман» оказался в неустойчивом положении. Добрыня искусным броском опрокинул его на спину. Вот былинное описание этого единоборства:

Брали за ремень за подбрудное.
По колен-то в сыру землю втопталися.
По Добрынюшкину было по счастьюцу,
У осударя права ножка подвернулася,
Левая ручка оскользнулася.
Мастер был Добрынюшка боротися —
Сшиб осударя Илью Муромца на сыру землю.

Былины — сама история, хотя и в весьма своеобразном изложении. Столетиями героические народные сказания о подлинных событиях буйно обрастали мифическими подробностями, иные детали безвозвратно утрачивались, замещаясь новыми, рожденными последующей эпохой. До

наших дней былины дошли как интереснейшая загадка далекого прошлого, как хитроумно зашифрованное послание к нам многих поколений предков. Там всегда сокрыты пробившиеся из самой седой древности вполне реальные события.

В основе былинных образов, даже таких причудливых и, казалось бы, фантастических, как Идолище Поганое, несомненно лежат характеры существовавших некогда людей. Углубляясь в «родословную» былинных героев, почти всегда можно отыскать тех, кто являлся их прообразом. В списках новгородских посадников встретить Ваську Буславича, действительно жившего в середине XII века. Прочитать в летописи об Александре Поповиче — одном из семидесяти богатырей, сложивших голову в трагической битве на Калке. Это как раз он, ухватив неприятеля за ноги, превратил его в своеобразную палицу.

В этом отношении былинный Добрыня Никитич отнюдь не представлял исключения. У него даже не один, а как минимум целых два прототипа. Один из этих Добрынь — дядя князя Владимира, боярин и воевода, жил в X веке. А второй — рязанский «хоробр» по прозвищу «Злотой пояс», родился только через два столетия после этого и был боевым сподвижником Поповича, разделившим его печальную участь в бою с татаро-монголами. Такое «раздвоение личности» серьезно осложняет и без того нелегкую проблему — определить, от какого именно из двух своих прототипов — киевского или рязанского — получил былинный богатырь в наследство борцовское искусство? Академик Б. А. Рыбаков в своем интереснейшем историческом исследовании «Древняя Русь. Летописи, сказания, песни» рассказывает о первооснове некоторых из тех качеств, которые в былинах приписываются Добрыне, но при этом констатирует: «Нам никогда не удастся выяснить, был ли исторический Добрыня, сын Малка Любечазва, гусяром и сказителем былин...» То, что говорится здесь о музыкальных способностях богатыря, к сожалению, полностью относится и к его борцовскому мастерству. Отталкиваясь от этого былинного образа, нам никак не удастся выйти к какому-то действительно существовавшему в древности сильнейшему борцу. Так что такой колоритный «храбр и наряден муж» Добрыня Никитич хоть и годится на символическую роль патрона всех российских борцов, но открыть почетный строй реально существовавших чемпионов никак не может.

Выходит, что устные предания в подобном поиске не всегда надежный помощник. Но ведь в X веке появляются уже и письменные исторические источники! А если обратиться к ним, просмотреть, например, летописи? В первый момент такая мысль кажется просто абсурдной. Летописи велись в монастырях, и уж кто-кто, а монахи знали истинную цену «окаянных бесовских игрищ». Где уж тут ждать от них рассказа о «греховодниках»-борцах! Но как это ни поразительно, первое исторически достоверное и хронологически точное сообщение о борьбе в Древней Руси оставил нам не кто иной, как черноризец Киево-Печерского монастыря Нестор. Тот самый славный летописец Нестор, который пришел в монастырь семнадцатилетним юнцом и за долгие годы самоотверженного труда создал необыкновенно талантливую «Повесть временных лет».

Не следует, однако, думать, что летописец, в порядке исключения, был ревностным борцовским болельщиком и к народным забавам относился снисходительно. Вовсе нет! И если монах нашел все же возможность рассказать о древнем атлете, то только из-за его выдающихся боевых заслуг. Вот что узнаем мы из летописи.

Сын Святослава киевский князь Владимир — Красное Солнышко — был славен не только своими щедротами и деятельностью просветителя. Он в полной мере унаследовал воинственность своего отца — знаменитого древнерусского полководца, вероломно убитого печенегами. Не раз Владимир Святославович водил в походы свою испытанную во многих сечах дружину.

Летопись говорит, что «в лето от сотворения мира шесть тысяч пятисотое» (по нынешнему летоисчислению в 993 году) Владимир вел войну с хорватами. А едва успел князь со своей дружиной воротиться из дальнего похода, как на русскую землю из степей днепровского левобережья нагрянули кочевые печенежские орды. Эти степные хищники, как их называли тогда — «поганые», стремились найти легкую добычу и для набегов неслучайно выбирали время, когда русские войны находились вдалеке от своих городов. На сей раз, правда, печенеги совсем немного, но опоздали. Владимир был уже в Киеве и немедля двинулся с войском навстречу незваным пришельцам.

Если на войну в чужие края ходила, как правило, одна только княжеская дружина, усиленная отрядом добровольцев, то, когда в пределы киевских земель вторгался враг, и особенно такой опасный и беспощадный, как степ-

ные кочевники, на борьбу с ним поднималось уже всенародное ополчение. За оружие брался каждый мужчина, способный его носить. Дома оставляли только младших сыновей. Разумный обычай этот соблюдался многие столетия. Ведь хозяйство, дававшее всем пропитание, в любом случае не могло лишиться вдруг всех мужских рук, которыми оно располагало. Была здесь, наверное, еще и забота о том, чтобы в случае гибели старших не пресекся окончательно род их. Случалось ведь и так в те времена, что после ожесточенной битвы некому было даже принести домой страшную весть о поражении...

Привычно вышагивали по пыльной дороге ополченцы: киевские ремесленники и крестьяне окрестных сел. Далеко не каждый имел дорогостоящее оружие, а тем более доспехи. Многие выступили на врага с ножом, с топором, которыми управлялись в хозяйстве, охотничьими рогатинами и луками, а то и просто увесистой дубиной. Вместо доспехов на них были тегилiai — кафтаны, подбитые толстым слоем пеньки. Стараясь не отрываться от пешей рати, впереди рысцой трусили княжеские дружинники при полном доспехе.

Киевские полки быстро двигались навстречу неприятелю, и вскоре передовой разведывательный отряд — сторожа — приметил вдали черный дым печенежских костров. А подойдя к притоку Днепра Трубежу в том месте, где тогда был брод и где теперь стоит город Переяслав-Хмельницкий, разведчики увидели на противоположном берегу выходной стан степняков. Кочевые повозки, крепко привязанные одна к другой, сплошной стеной окружали весь их лагерь, образуя своеобразную линию укреплений. Подрывы степного ветра развеивали на острых печенежских копьях разноцветные прапорцы — пучки крашеного конского волоса, привязанные к древку пониже наконечника. Довносили с того берега чужезычный говор и конское ржание...

Русская рать, вышедшая к Трубежу вслед за своей сторожей, встала вдоль реки по ее правому берегу, надеясь преградив дорогу к «матери городов русских» Киеву. Теперь оба готовые к бою войска, разделенные Трубежом, стояли друг против друга, но ни печенеги, ни русские не свесили ступить на вражеский берег.

И вот тогда от кибиток степняков к реке поскакали несколько всадников. Впереди всех держался пожилой, с гордой осанкой печенег в золоченом византийском шлеме.

Поседевшие в походах старшие киевские дружинники, которым приходилось рубиться с «погаными» еще при покойном Святославе, без труда узнали в передовом всаднике печенежского князя. Около самой воды он туго натянул украшенные узорными бляшками поводья и круто осадил своего степного скакуна. Один из сопровождавших его воинов замахал поднятой рукой, привлекая к себе внимание, и, безбожно коверкая русские слова, прокричал, что печенежский князь зовет на переговоры Владимира.

Владимир тотчас прискакал к Трубежу.

— Выпускай любого своего воина,— донеслось из-за реки.— А я выпущу своего. Но пусть они не бьются оружием, а борются голыми руками!

Обычай начинать битву единоборством двух сильнейших воинов существовал издревле. Исход такого поединка ощутимо влиял на боевой дух полков и мог предопределить судьбу всего грядущего сражения. Победа в единоборстве понималась как некое божественное предзнаменование, как перст судьбы. Конечно же, она вселяла уверенность, вдохновляла тех, чей богатырь оказывался сильнее, и в то же время духовно подавляла их врагов.

Отказ от поединка с печенегом был бы не только позорным — он еще до начала битвы необычайно ободрил бы неприятеля, дал бы ему полную уверенность в своей якобы неодолимой силе. Все это не мог не понимать Владимир. И вызов врага киевский князь принял не колеблясь. Что ж, пусть будет так, как предложил печенег. Разумеется, он неспроста настаивает именно на безоружном единоборстве. Должно быть, есть у него мощный, испытанный борец, не раз побеждавший в таких вот поединках. Но ничего, найдется и среди киевлян богатырь не слабее...

Возвратившись в свой стан, Владимир приказал подыскать воина, способного помериться силами с вражеским борцом. И по всему русскому лагерю разошлись княжеские глашатаи — бирючи, громко выкликая: «Нет ли среди вас такого, кто схватился бы с печенежином?» Долго слышались эти возгласы, но охотников так и не сыскалось. Прослышали ли ратники о небывалой мощи печенега или, быть может, смущали воинов условия единоборства, где нельзя будет использовать привычное оружие, только когда на следующий день, уже рано утром, кочевники привели на берег своего великана, киевляне все еще не могли выставить ему достойного противника.

Снова и снова расхаживали по киевскому лагерю бивачи и до хрипоты тщетно выкликали охотника на единоборство. Дело складывалось скверно. И вот тогда в шатер к огорченному и встревоженному Владимиру пришел пожилой ополченец со словами:

— Княже, есть у меня меньшей сын дома. Я вышел с остальными четырьмя, а его оставил. Однажды мял он воловью кожу, выделывая ее, я же стал бранить его за что-то. Так он, рассердившись, эту толстую, крепкую кожу разодрал руками...

Из рассказа ополченца выяснилось, что сын его был не только наделен огромной природной силой, развитой к тому же тяжелым трудом «усмаря» — кожевника. Отрок славился еще и как искусный борец, не потерпевший ни одного поражения. Не нашлось никого, кто смог бы «ударить им о землю», то есть повергнуть, одолеть его в борьбе.

Интересно, что летописец не считал нужным назвать имя этого юноши-простолюдина. Представлялось вполне достаточным сказать о его профессии, которая вполне могла фигурировать в качестве прозвища, равносильного вынешней фамилии. Вот точно так же осталось неизвестным имя другого киевского отрока, за четверть века до этого сумевшего выбраться из обложенного печенегами Киева и переплыть Днепр под градом их стрел, чтобы принести важную весть из осажденного города. Быть бы и нашему «чемпиону» безымянным усмарем, кожейякой, если бы иная летопись не восполнила этот пробел и не сказала, что звали его Яном.

...Обрадованный Владимир приказал немедленно поехать за силачом-усмарем. А когда Ян прибыл в лагерь и предстал перед князем, тот поведал, чего ждут от него. В первое мгновение отрок смутился: «Княже, не ведаю, по силам ли мне одолеть его... Испытай сначала меня».

Испытание для себя Ян выбрал сам. Он просил отыскать большого, сильного быка и разъярить его, прижигая раскаленным железом. Так все и было сделано. А когда разъяренного, с налившимися кровью глазами быка выпустили на волю, Ян встал у него на пути. Смертельного удара рогами юноша избегнул, ловко ступив в сторону. И еще успел схватить быка за бок и вырвать кожу с мясом. сколько захватила рука его...

Иные специалисты утверждают, что рассказ этот — отзвук древнейших игр с быками, подобных тем, что по-

родили испанскую корриду. Но в любом случае мы, разумеется, воспринимаем такой эпизод как явно легендарную гиперболизацию силы киевского отрока.

Летописец, конечно, сам ничего не выдумывал, а описывал только то, что считал подлинным фактом. Однако Нестор жил значительно позднее, чем Ян Усмарь. Подвиг юного киевлянина и упоминание о нем в летописи разделяют более ста лет, в течение которых имя отрока сохранялось в дружинных преданиях. Всегда и везде благодарная память народа наделяла любимых героев необычайной силой. И гиперболизация эта — искренняя дань народного восхищения — возрастала прямо пропорционально истекшему времени.

Вот почему в летописном рассказе об испытании силы Яна Усмаря имеются вполне реалистические штрихи, которые еще не успели стереться и просматриваются четко, но рядом с ними уже возникла и такая чисто мифическая деталь — клочок вырванной мощными руками бычьей шкуры... Пройдет еще восемь столетий, в течение которых предание будет жить своей невидимой таинственной жизнью, и на территории Украины запишут уже сказку о спасителе киевлян могучем Кожемяке. Сгинет бесследно великан-печенег, а его место займет ужасный Змий, направший на Киев. Почти не останется уже былых подлинных деталей событий, но мы сразу же узнаем их даже в причудливых сказочных одеяниях. Вот герой, разгневавшись, что его оторвали от работы, разом разрывает целых двенадцать кож, которые в это время выделывал... А вот, вступив в борьбу с чудовищем, валит его на землю, совсем как Усмарь своего противника-печенежнина...

...Сила и ловкость Яна Усмаря доказывали, что печенег будет иметь достойного соперника.

— Ты можешь с ним бороться! — воскликнул обрадованный Владимир и приказал дать Яну доспехи. Отрок превратился в воина. А когда рано утром у реки снова слышались призывные крики кочевников, Ян с князем переправились на вражеский берег. Вышел и печенежский богатырь. Был он велик и страшен и, конечно же, ожидал встретить противника под стать себе — такого же великана. Увидев Яна, он громко расхохотался. Должно быть, и впрямь рядом с гигантом отрок выглядел не слишком внушительно и даже забавно. Усмарь был среднего роста и телосложения («средний телом»), и ничто не выдавало огромной его силы.

Между полками размерили место для единоборства, и соперники пошли друг на друга. Едва ли еще когда-нибудь борцам доводилось оспаривать столь же ценный приз. Наградой победителю этого поединка была жизнь.

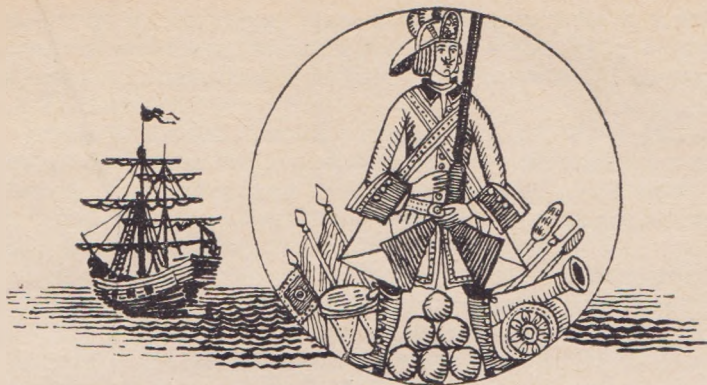
Крепко схватились они в привычном борцовском захвате, и оказалось вдруг, что великан ровным счетом ничего не может поделывать со своим небольшим соперником. Отрок, по словам летописи, «удавил печенежина в руках до смерти и ударил им о землю».

Тысячеголосый крик раздался над бранным полем. Кричали все: и степняки, и русские. Одни от ужаса и скорби, другие в грозном боевом азарте. Объятые страхом печенеги не выдержали и бросились в бегство, а киевляне преследовали и избивали их. Опасный враг был побежден и изгнан. А на броне через Трубеж в честь памятного поединка Владимир заложил город, назвав его Переяслав, так как Ян «переед» — перехватил — славу у печенежского великана. Силача-простолюдина князь, вопреки всем обычаям, приблизил к себе, сделал его «великим мужем». Не забыл и о его старом отце. В дальнейшем летописи говорят о Яне уже как о княжеском воеводе. Не раз еще доводилось ему водить киевские полки против печенегов. Воины с энтузиазмом верили в его силу, мужество, боевое искусство и, вдохновленные его примером, смело шли в любую смертельную битву. А на кочевников одно имя юного героя вызвало ужас: слишком хорошо помнили они устрашающую силу своего богатыря, павшего от руки Яна.

Такова яркая история первого из известных наших сильнейших борцов прошлых времен — «чемпиона» Древней Руси конца X века — Яна Усмаря. Его необычайно популярная фигура будет столетиями привлекать к себе внимание сказителей, художников, ваятелей. Одно из сохранившихся изображений героя мы находим еще в так называемой Радзивилловской летописи. На миниатюре Ян в борьбе простолюдина — долгополой рубахе — гордо попирает ногой поверженного им богатыря. По одну сторону от него устремившиеся в бой киевляне во главе с Владимиром, по другую — бегущие прочь печенеги. Внимание древнего художника вполне закономерно привлек момент окончательного завершения единоборства. А вот живописцев русского классицизма, живших в конце XVIII — первой половине XIX века, заинтересовал уже совсем иной эпизод: волное драматического напряжения легендарное испытание силы отрока. Неудержимо мощное движение рас-

свирепевшего быка, поспешно отпрянувшие от него воины, один из которых уже опрокинут на землю, и могучие, в крайней степени напряжения вздувшиеся мускулы силача-кожевника, схватившего быка. Все это видим мы на обширном полотне Григория Угрюмова в ленинградском Русском музее. Оно так и называется: «Испытание силы Яна Усмаря». Тот же самый сюжет для своей картины избрал Евграф Сорокин: «Ян Усмарь останавливает быка». Этот художник достиг в своей работе не меньшего динамизма и остроты, чем Угрюмов. Одним из главных произведений ваятеля Бориса Орловского тоже стала выразительная скульптурная группа «Ян Усмарь», которую можно увидеть в залах Эрмитажа.

Разумеется, немало было в Древней Руси таких же сильных и искусных борцов, как Ян Усмарь. Быть может, иные даже превосходили его своей мощью и мастерством, но сегодня мы уже ничего не знаем о них. Одной лишь славы, пусть даже самого выдающегося борца, на поверку оказалось явно недостаточно для того, чтобы, «громаду лет прорвав», выйти из глубин седой древности и дожить до наших дней. Чтобы в течение целого тысячелетия прочно сохранить ее в благодарной памяти народа, славу эту необходимо было породнить с высокой доблестью гражданина. Поставить свою силу и ловкость на службу суровым и опасным воинским подвигам во имя своей родной земли.

«1717 года, в бытность Петра Великого в Париже, приказал он сделать в одном доме для гренадеров баню на берегу Сены, и чтобы они в оной после пару купались, такое необыкновенное и для парижан, по мнению их, смерть приключающее действие произвело многолюдное сборище парижан, они с удивлением смотрели, как солдаты, выбегая разгоряченные банным паром, кидались в реку, плавали и ныряли. Королевский гофмейстер Вертон, находящийся при услугах императору, видя сие купание, Петру Великому докладывал (не зная, что то делается по приказу государя), чтоб он солдатам запретил купаться, ибо де все перемерут. Государь, рассмеявшись, ответил: «Не опасайтесь, господин Вертон! Солдаты от парижского воздуха несколько ослабли, так закаливают себя русскою баней. У нас бывает сие и зимой: привычка — вторая натура».

Действительный статский советник, Петра Великого механик и токарного искусства учитель, Императорской Академии Наук и канцелярии главной артиллерии и фортификации член Андрей Нартов. «Достопамятные повествования и речи Петра Великого»

ГРЕНАДЕР ПЕТРА I

Есть в моей библиотеке толстенный том, переплетенный в светло-коричневую кожу с золотым тиснением. Это одна из книг, которыми я особенно дорожу. И не только из-за ее антикварной ценности. Изданная в самом начале этого века в Эдинбурге, она представляет любопытнейшую летопись английского бокса — с его возникновения до двадцатых годов XIX столетия. Генри Даунс Миллс, ее автор, с фанатической скрупулезностью собрал даже явно второстепенные эпизоды, относящиеся к истории «благородного искусства самозащиты». В его труде, носящем название вполне в духе своего времени «Пьюджилистика или история британского бокса», вы встретите сведения о детских годах, семье и даже погребении чемпионов, прочтаете стихотворные посвящения, анекдоты, эпиграммы и эпитафии, узнаете, кто из репортеров писал о боксе, и познакомитесь с обширной галереей родовитых и капризных меценатов английского ринга.

Но на всех пятистах страницах книги слово «Россия» упомянуто лишь один раз, да и то только из-за того, что русский царь Александр I соблаговолил однажды присутствовать на показательном выступлении экс-чемпиона Англии прославленного Джона Джексона.

Казалось бы, все вполне закономерно. Ведь бокс в России начал культивироваться только в самом конце прошлого века, и должно было пройти не одно десятилетие, прежде чем за границей узнали о существовании русских боксеров. Так можно ли всерьез говорить о том, что наши

соотечественники имели возможность участвовать в становлении этого мужественного спорта, а тем более конкурировать с патриархами ринга — англичанами? Представьте себе, можно!

Бокса в России действительно не было. Зато спокойному веку существовал кулачный бой (первое летописное упоминание о нем относится еще к X столетию). Вот он-то и дал возможность нашему соотечественнику помериться силой с британским боксером почти триста лет назад.

Все авторы наиболее солидных изданий по истории бокса единодушно утверждают, что первая в мире международная встреча боксеров состоялась в английском городе Харстоне графства Норфолк 30 июля 1751 года. Чемпион Англии — мясник из Норича — Джек Слек, обладавший очень сильным ударом, встретился там с французским цирковым атлетом гигантского роста, который, словно шутки ради, имел фамилию Петти, что по-французски означает «малютка». То, что происходило на боевом помосте, обнесенном деревянными перилами, можно назвать боксом в нашем понимании лишь весьма условно. Но таковы были правила тех лет. «Месье Петти», не мудрствуя лукаво, просто вцеплялся в горло и душил или, ухватив своего более легкого противника за ноги, швырял его на землю. Слек, хотя и успел совершить в течение двадцатипятиминутной схватки несколько таких малоприятных полетов, отнюдь не утратил своего боевого пыла, и когда силач-француз снова схватил было его, вlepил гиганту такой сокрушительный удар под ребра, что тот с громким воплем убежал с ринга, провожаемый громовым хохотом и улюлюканьем зрителей...

Нетрудно представить, как вытянулись бы лица почтенных историков бокса, если сообщить им, что традиционное утверждение о бое Слека с Петти как о первом в мире международном матче совершенно несостоятельно. Что еще за полстолетия до называемой ими даты в жестокой кулачной схватке с сильнейшим лондонским боксером довелось сойтись солдату петровской гвардии. Впрочем, обвинять иностранных авторов в незнании этого давнего и прочно забытого факта не стоит. Даже у нас в стране знают о нем немногие.

Клио — античная муза истории — необычайно капризная и прихотливая дама. Не редко случается, что сведения о событиях не столь уж отдаленных, всего какой-нибудь сорока-пятидесятилетней давности, разыскать почти не-

возможно. Своевременно они не фиксировались, и прошедшие годы безжалостно стерли память о них. (Увы, на долю истории спорта такое выпадает довольно часто!) В данном же случае представилась редчайшая возможность не только твердо установить, но и довольно точно датировать событие, происшедшее почти двести восемьдесят лет назад, да к тому же за пределами России. Факт этот, равно принадлежащий летописи русского кулачного боя и истории английского бокса, донесли до нас записки Андрея Константиновича Нартова, выдающегося механика и изобретателя, чьи способности заметил и поощрил сам Петр I.

Талант Нартова нашел применение во многих областях техники: в машино- и приборостроении, в инструментальном, монетном и пушечном деле. Но было у изобретателя одно увлечение, как мы говорим сейчас — хобби. Нартов бережно собрал и записал в хронологическом порядке полторы сотни различных эпизодов из жизни царя-труженика. Часть из них он услышал из уст Петра и его сподвижников, в других случаях сам был очевидцем описываемых событий. То, что рассказал Нартов, точно и образно рисует характер Петра и его время. Поэтому-то нартовские «Достопамятные повествования и речи Петра Великого» стали одним из интереснейших и ярких исторических источников, которыми еще Пушкин, по-видимому, воспользовался для своей «Истории Петра».

Стоит сказать, что достоверность приведенного ниже рассказа Нартова подтверждается точным указанием им имен людей, с которыми Петр действительно встречался в Англии; мест, где происходили события, а также сопоставлением этого рассказа с другими, исторически бесспорными, данными.

Известно, что в конце XVII века Петр отправился за границу, «дабы — по словам Пушкина — в чужих краях учиться всему, чего недоставало еще государству, погруженному в глубокое невежество». Великий преобразователь твердо решил отвоевать необходимый для России выход к морю, и его особенно интересовало кораблестроение. «Помазаник божий», нимало не смущаясь, записался в цех плотников под именем Петра Михайлова и старательно орудовал топором на голландских верфях до тех пор, пока не узнал, что англичане, оказывается, овладели «морской архитектурой» еще лучше, чем его учителя-голландцы. Это и привело царя на Британские острова.

И вот Нартов рассказывает: как-то в популярном лон-

донском парке Воксхолл Петру и его спутникам довелось наблюдать единоборство английских боксеров. Среди них явно выделялся огромный шотландец богатырского телосложения, побеждавший каждого, кто осмеливался ему противостоять. Русских, видевших дома нечто совсем иное, особенно изумило, что англичане в качестве коронного приема использовали в бою мощные удары головой. «Сражались друг с другом лбами», — как не без удивления отметил Нартов.

Известно, что современный бокс превосходит кулачный бой во всех отношениях.

Но, как это ни покажется странным, в тот период русский кулачный бой в смысле правил представлял собой тот далекий идеал, к которому английский бокс подошел лишь через полтора-два столетия. Применение ударов только кулаками и не ниже пояса, так же как и строжайшее запрещение бить упавшего противника, было для русских правилом, само собой разумевшимся. В английском боксе дело обстояло совсем иначе.

В анналах истории бокса в качестве его изначальной даты указывается обычно 1719 год. Разумеется, эта дата условная. Бокс не мог внедриться в быт английского народа в течение всего лишь одного года. И действительно, 1719 год фиксирует отнюдь не момент рождения бокса, а всего лишь дату, когда искусный, мощный и очень популярный фехтовальщик и боксер Джеймс Фигг провозгласил себя и повсеместно был признан сильнейшим бойцом во всей Англии. С этого года англичане уже непрерывно ведут счет своим чемпионам.

Очевидно также, что за спиной первого чемпиона страны должен быть боевой опыт не одного поколения боксеров. Уже к XVII веку бокс в Британии не только существовал, но даже имел своих некоронованных чемпионов. Познакомьтесь с одним из первых в мире спортивных репортажей, помещенным в январском номере английской газеты «Протестантский Меркурий» за 1681 год: «Вчера состоялся матч бокса перед герцогом Альбемаровским между его грумом и мясником. Первый выиграл приз, так же как неоднократно это делал и раньше, так как считается, несмотря на свой маленький рост, наиболее искусным в этом упражнении во всей Англии». Заметьте, что назвать имя чемпиона газета сочла излишним. Вполне достаточно было лишь привести фамилию его аристократического повелителя.

Пребывание Петра в Англии относится к 1698 году. Всего через два десятилетия англичане получили своего первого официально признанного чемпиона. Естественно, что в преддверии такого события бокс должен был особенно активно развиваться. Схватки боксеров отличались большой жестокостью. Бойцы наносили друг другу удары и кулаком, и локтем, применяли разнообразные захваты, броски, били противника ногами, тыкали пальцами в глаза. От результата состязания зависел заработок атлетов, а вокруг ринга кипели страсти, подогретые денежными пари.

Виктор Гюго, описывая в одном из своих романов жесточайший характер боксерского поединка того времени, утверждает, однако, что уже тогда на ринге существовали запрещенные удары. Таким, в частности, был, по его мнению, «удар в пуп». Но в этом известный писатель заблуждался. Современный американский исследователь бокса Джон Дюзэнт утверждает: «В то время отсутствовала какая-либо запись правил и, по существу, почти все считалось допустимым, даже удары коленом и нападение на сбитого в нокаунт противника».

Англичанам потребовалось еще почти столетие для того, чтобы объявить вне закона избивание лежащего и нанесение ударов ниже пояса. Что же касается удара головой, то он не был запрещен и применялся даже в первых десятилетиях прошлого века, хотя уже и считался «неджентльменским» приемом. Захваты и броски просуществовали еще дольше. Вот в таком, не слишком приглядном, виде предстал перед русскими путешественниками английский бокс.

Петр I, при всей своей склонности к полезным иноземным новшествам, никогда не упускал случая с гордостью показать, на что способны его соотечественники. Строить корабли столь же хорошо, как англичане, русские еще не научились, но вот соперничать в кулачном бою они могли с кем угодно. В этом царь не сомневался. Ему, должно быть, не раз доводилось наблюдать в Москве «удалую забаву» кулачных бойцов.

Возвратившись в свою резиденцию, Петр рассказал об увиденном и спросил сопровождавших его в путешествии гвардейских grenадеров, не хочет ли кто-либо из них помериться силой с лондонским атлетом. На единоборство вызвался плотного телосложения grenадер, «бывалый в Москве часто на боях кулачных и на себя надеявшийся». К со-

жалению, Нартов не называет имени гренадера, но в рассказе без труда угадывается не только огромная сила, ловкость и бойцовская сноровка гвардейца, но также и его сметка, то, что сегодня мы называем умным тактическим мышлением.

Понимая, что он встретится с какой-то новой, незнакомой ему манерой боя, гренадер попросил разрешить ему посмотреть схватки англичан. «А приметя все ухватки их, уверял государя, что он первого и славного бойца сразит разом так, что с русскими впредь биться не пожелает».

Петр улыбнулся, видя такую уверенность солдата, но все же строго спросил:

— Полно, так ли? Я намерен держать заклад. Не постыди нас.

— Изволь, царь-государь, смело держать. Надейся. Я не только этого удальца, да и всех с ним товарищей вместе одним кулаком размечу. Я зубы с челюстями и ребры англичанину высажу, — пообещал гвардеец.

А чтобы его слова не выглядели пустым хвастовством, рассказал свою, так сказать, спортивную биографию. Солдат этот мог бы считаться абсолютным чемпионом своей родной Москвы: он не раз с успехом противостоял за Сухаревой башней в одиночку натиску целой кулачной стены.

Среди нескольких англичан, с которыми Петр находился в дружеских отношениях, был «командовавший на море» маркиз Кармартен, сын герцога Лидса. К этому герцогу через несколько дней после описанного выше события Петр был приглашен на званый обед. Беседуя с хозяином, царь искусно перевел разговор на английских бойцов, которых недавно видел, и уверенно заметил, что его гренадер «первого их витязя победит». За несколько месяцев пребывания в Британии Петр успел неплохо изучить английский характер и совершенно точно рассчитал ответную реакцию. Находившиеся рядом лорды очень почтительно, но вместе с тем твердо заявили, что его величество, к сожалению, заблуждается. Они совершенно уверены в «силе и мастерстве победителя своего, против которого никто стоять не может». В подтверждение таких слов предлагали, если угодно государю, даже держать заклад. Рассчитывавший именно на это, Петр принял пари на крупную сумму — в пятьсот тысяч, однако счел нужным оговорить, что его солдат приверживается не английской, а своей собственной манеры боя, и предупредил лордов:

— Но ведайте, господа, что мой боец лбом не бьется, а кулаками обороняется.

Большая точность, даже в деталях, с которой Нартов описал этот эпизод, позволяет установить, когда именно происходил обед у Лидса и, главное, последовавшее после него полное драматизма единоборство.

Дело в том, что во время пребывания Петра в Англии один из его придворных — князь Щербатов — уже вел «Журнал, или поденную записку, блаженные и вечнодостоинья памяти Государя Императора Петра Великого...», где фиксировал все, со своей точки зрения, достойное внимания. Вспомнив для начала, что царь чуждался монарших почестей и носил невысокое воинское звание десятника, заглянем в «Журнал», где 20 апреля записано: «Был Десятник у Кармартенова отца; там кушали...» На следующий день Петр уже покидал Британские острова. Поэтому схватка генадера с англичанами могла состояться только 20 или 21 апреля 1698 года.

«К сражению был назначен сад Кармартена», петровского любимца. Там собрались британские вельможи, вся царская свита и семьдесят гвардейцев, сопровождавших царя в путешествии. Известие о состязании лондонского силача с иноземным бойцом распространилось широко и привело к месту боя немало английского простонародья — «черни», как говорит Нартов.

Вышли бойцы, и можно считать, что «нулевой раунд» окончился в пользу лондонца. В гренадеры набирали только сильных людей, достаточно высокого роста — ведь в бою они метали чугунные бомбы — прообраз нынешних гранат. Петровский солдат был и высок, и широкоплеч, но все-таки внешне сильно уступал шотландскому гиганту. Большинство присутствующих просто не верили, что гренадер устоит. К тому же опытный боксер не упустил случая еще до боя оказать на противника соответствующее моральное воздействие. «Англичанин богатырским своим видом при первом на соперника своего взгляде уверял уже почти каждого зрителя, что сие есть для него малая жертва». Сама «жертва», однако, не проявляла никаких признаков беспокойства.

Вероятно, свой коронный удар головой боксер наносил в момент, когда противник бросался на него. Встречное движение значительно увеличивало мощь сокрушительного удара. С первых же секунд схватки англичанин всячески старался вызвать гвардейца на атаку. Быть может, он

пытался даже проводить какие-то захваты за руки, так как «гренадер, поджав руки, стоял прямо, не спуская с ратоборца глаз и ожидал его к себе». У солдата, вероятно, был свой план боя и он твердо проводил его в жизнь.

В конце концов, уверенный в своем превосходстве, английский атлет не выдержал и ринулся в атаку сам, целясь поразить противника головой в солнечное сплетение. Это был тот самый знаменитый прием, который столько раз приносил силачу чистую победу. Зрители, которым казалось, что удар уже дошел до цели, увидели вдруг, что в последний миг гренадер, только этого и ждавший, успел обрушить свой увесистый кулак на нагнутую шею атакующего. Это был удар хорошего тяжеловеса, и его последствия нетрудно угадать. Шотландец рухнул на землю как подстреленный...

Англичане, хотя и были явно огорчены, встретили убедительную победу русского аплодисментами и хвалили его. А Петр повернулся к свите и, уже не скрывая насмешки над столь малочтенным употреблением головы, сказал:

— Русский кулак стоит английского лба! Я думаю, он без шеи.

Всем казалось, что схватка стоила англичанину жизни: долго он лежал словно мертвый. Позвали лекаря, и когда тот применил универсальное лечебное средство прошлого — «пустил кровь», боксер очнулся. Вопреки английскому обычаю, справедливый Петр одинаково наградил и победителя и побежденного: тот и другой получили по двадцать гиней из выигранного царем заклада. Кроме того, Петр «весьма старался, чтобы английского бойца вылечили, сего ради, подозвав к себе лекаря и наказывая о излечении, дал врачу двадцать гиней». Тридцатью гинейми царь одарил своих гренадеров, устроивших перед лондонцами своеобразное показательное выступление по русской борьбе и кулачному бою «стенка на стенку»; пятьдесят бросил «черни» — английским простолюдинам, большую же часть выигранных денег велел передать в инвалидный дом.

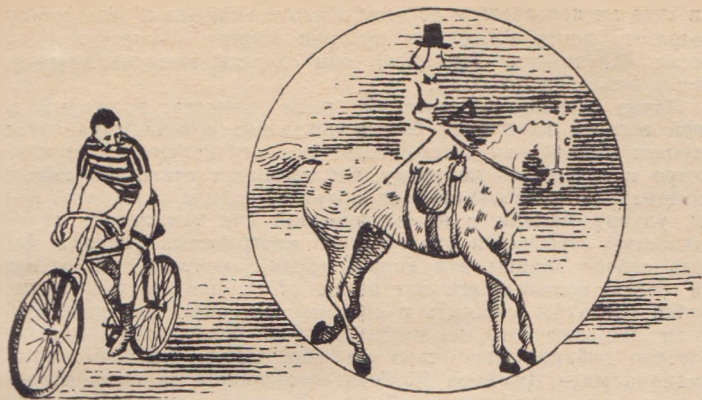
Дню этому поистине суждено было стать днем русского народного спорта в английской столице. И вот почему. Нартовский рассказ завершается такой фразой: «Потом государь приказал тут же всем своим гренадерам прежде бороться, а после между собой сделать кулашной бой, чтобы показать лордам проворство, силу и ухватки русских богатырей, чему все собрание весьма удивлялось, ибо все находившиеся при Петре Великом в путешествии гренаде-

ры выбраны были люди видные, рослые и сильные и прямо похожи были на древних богатырей».

Так, значит, в Британии увидели ухватки русских кулачных бойцов ровно на двести лет раньше, чем первый английский боксер продемонстрировал свое искусство в России. (Это произошло благодаря деятельности героя следующей главы этой книги.)

Итак, московский боец в решительной схватке побил одного из непосредственных предшественников первого чемпиона Англии легендарного Джеймса Фигга. В сущности, побежденный и сам был тем, кого англичане называли «чэмпйен», то есть защитник, боец, защищающий свою славу сильнейшего против каждого, кто вызывает его на бой. На этот раз ему не повезло, он потерпел сокрушительное поражение. По словам Нартова, «слава бойца сего сим случаем погибла».

Знаменитый прежде атлет уже никак не мог попасть в анналы британского бокса. Славный летописец ринга — ученик Фигга капитан Годфрей — даже если и знал о шотландце, конечно, не мог найти для него места в своей книге «Портреты мастеров», которая стала первой дошедшей до нас работой по истории английского бокса. И как знать, если бы не побывал на Британских островах петровский гренадер, англичане получили бы своего первого чемпиона страны на целых два десятилетия раньше...

28 декабря 1895 года в парижском «Гран-кафе», что на бульваре Капуцинов, собралось необычно много народу. Мужчины с мопассановскими усами, в шелковисто лоснящихся цилиндрах, их нарядные спутницы, ловко управлявшиеся с треном, brave щеголи-офицеры и даже несколько пришедших с родителями мальчуганов в аккуратненьких матросках и беретиках с помпоном — все они явились сюда вовсе не затем, чтобы усесться за столиками. Оживленно переговариваясь в предвкушении необычного зрелища, собравшиеся спустились в приспособленный под зрительный зал обширный подвал и разместились в креслах, которые были расставлены там рядами, как в театре. И, словно в театре, расступился перед ними занавес, открыв большой белый квадрат туго натянутого полотна. Погас свет, застрекотал кинопроектор. Братья Люмьеры начали первую публичную демонстрацию изобретенного ими синематографа.

Нашим поколениям, воспринимающим кино как нечто обычное, трудно представить всю остроту и силу впечатления очевидцев первого в мире киносеанса. Антракты из-за несовершенства техники продолжались тогда куда дольше, чем показ фильма, а сюжеты коротеньких документальных лент были, в основном, самыми незамысловатыми: работницы покидают фабрику по окончании рабочего дня, к вокзалному перрону подходит поезд... Словом, все то, что множество раз было видано в жизни и никогда не привлекало внимания никого из присутствующих. Но сейчас изумлению и восторгам не было конца. Фотография для всех уже была давно привычной, но вот когда это мертвое черно-белое изображение вдруг ожило и пришло в движение, это произвело впечатление настоящего чуда! А всего через полгода, совершая свой триумфальный марш по земному шару, «движущаяся фотография» уже демонстрировалась в России и вызывала такое же восхищенное изумление, как и повсюду.

О кинозаслугах Луи и Огюста Люмьеров написано очень много, но братьям довелось еще послужить и пропаганде бокса, хотя

они едва ли подозревали об этом. Сняв и включив в свою первую программу ленту «Любимец публики Джим» (называвшуюся в России «Английские боксеры»), они сделали этому виду спорта совсем неплохую рекламу.

Ладно сложенный, пожалуй даже немного поджарый для своей весовой категории, боксер-тяжеловес поначалу намеренно уступает инициативу своему более легкому партнеру, искусно и быстро перемещаясь по рингу. Он позволяет атаковать себя, но с математической точностью парирует все удары соперника. А потом, улучив момент, с необыкновенной для тяжеловеса стремительностью взрывается вдруг серией неотразимых ударов... Даже когда сейчас видишь эти кадры, трудно поверить, что отсняты они более восьмидесяти лет назад. Подобная четкая техника вполне могла бы украсить и современный ринг. Не знаю, любили ли Люмьеры бокс, но их выбор был безошибочен. Ведь они показали публике мастерство не кого иного, как абсолютного чемпиона мира Джеймса Корбета, прозванного за свою корректность на ринге «джентльмен Джим». И партнер у него был отличный: Кид Мак-Кой — вторая перчатка мира в полутяжелом весе. И думается, что вовсе не случайно рост интереса к боксу среди еще очень малочисленных московских и петербургских спортсменов точно совпадает по времени с появлением в России люмьеровской «движущейся фотографии».

«АРЕНА КИСТЕРА»

Старые болельщики, конечно, помнят, как интересно и торжественно отмечался в мае 1948 года полувековой юбилей существования бокса в нашей стране.

Юбилейные торжества проходили во многих городах, но самыми яркими и впечатляющими были, несомненно, те, что развернулись у Северной трибуны столичного стадиона «Динамо». Церемониальный марш, открывший праздник на стадионе, поистине стал парадом истории нашего ринга. Под дружные аплодисменты тринадцати тысяч зрителей прошли по гаревой дорожке те, кому довелось закладывать основы отечественного бокса, открывать счет первым, нелегким, но славным победам на международном ринге. Кара-Малай, Никифоров, Градополов, Вертков, Михайлов, Самойлов, Лебедев...

А потом, когда отзвучали поздравительные речи и были вручены все медали, памятные жетоны и дипломы, начались посвященные юбилею четырехраундные матчевые встречи сильнейших боксеров страны всех весовых категорий. Испытанным, опытным чемпионам противостояли молодые, но грозные соперники.

Еще не отметивший совершеннолетия, не по годам расторопный и техничный «вундеркинд ринга», курносый и веснушчатый «мухач» Анатолий Булаков, как равный с равным, сражался в упорнейшем бою с шестикратным чемпионом Советского Союза Львом Сагаловичем. Нелегко давалась тогда победа искушенному чемпиону, а почетный

проигрыш сильнейшему боксеру страны стал для юного мастера верным залогом близкого успеха.

Блистал на юбилейном ринге признанный самым техничным боксером легковес Анатолий Грейнер. С ним «скрестил» перчатки неуловимо быстрый и изобретательный Эдуард Аристакисян. Тот самый, который впоследствии стал тренером олимпийского чемпиона Владимира Енгибаряна. А в этот майский вечер Эдуард Аристакисян прикрепил к лацкану пиджака только что полученный им значок мастера спорта.

Боксировал общий любимец, бывший партизан Сергей Щербаков. На его ноге виднелся длинный, извилистый шрам — след минометного осколка.

И, конечно же, в заключение боксерского праздника на боевой помост поднялся еще один бывший партизан, легендарный уже в те годы тяжеловес — «сам» Николай Королев. И очень убедительно доказал, что поколебать его гегемонию пока еще некому.

Газеты и журналы много и интересно писали об «именинах бокса». И даже в таком, явно неспортивном, издании, как «Крокодил», появился веселый ардовский репортаж о боксерском празднестве, украшенный отличными шаржами Бориса Ефимова...

Да, что ни говорите, юбилей был проведен отменно и запомнился надолго.

Однако все это праздничное великолепие должно было произойти на целых три года раньше. 1948 год юбилейным для нашего бокса отнюдь не был, а считали его таковым лишь по ошибке. Историки бокса располагали в те годы далеко не всеми необходимыми им фактами.

Спорт в его современных формах начал зарождаться в России в последние десятилетия прошлого века. Именно тогда энтузиасты создавали первые спортивные общества и клубы. А в январе 1897 года в Петербург был приглашен француз Эрнест Лусталло, разносторонний спортсмен и тренер. Среди столичных спортсменов, еще совсем немногочисленных в те годы, Лусталло стал модной фигурой. Он преподавал английский бокс, который сегодня мы называем просто боксом, а также фехтование на палках и «савват» — французский бокс, где наряду с ударами кулаком применялись разнообразнейшие удары ногами.

Одним из учеников приезжего тренера стал известный гиревик — рекордсмен Гвидо Мейер. Около года брал он уроки бокса, прежде чем встретился в матче с жившим в

Петербурге французом Мази и победил его. Вот эту схватку, проходившую на Каменноостровском велодроме 31 мая 1898 года, и считали первым боксерским матчем в России. Впрочем, нередко продолжают считать и до сих пор. Эту дату рождения нашего бокса вы найдете и в учебниках по этому виду спорта и в справочниках. На первый взгляд, казалось бы, нет никаких оснований сомневаться в достоверности общепринятой датировки. Но это только на первый взгляд.

Дело в том, что первое руководство по английскому боксу было издано в России еще в 1894 году, то есть за целых три года до приезда Лусталло. Руководство не являлось переводом соответствующего английского издания на русский язык. Это вполне самостоятельная работа, хотя при ее написании и была широко использована литература, изданная на родине бокса за предшествовавшие семьдесят лет. Очевидно, такую книгу мог написать только человек, достаточно хорошо знакомый с техникой бокса. Добавлю, что не только бокса, но и русского кулачного боя. Книга — единственная, где приведены старинные русские названия четырех основных видов ударов, применявшихся в кулачном бою.

А могло ли в действительности так быть: имеется уже хорошо знающий бокс специалист; вышла в свет дельная книга, но, несмотря на это, бокса в России все еще не существует?

Как-то не слишком убедительно. Значительно правдоподобнее казалось как раз обратное: бокс пустил корни в России раньше, чем это было принято считать до сих пор. А если об этом, самом раннем периоде существования отечественного бокса пока не было ничего известно, то ведь за давностью лет такие сведения вполне могли затеряться в веренице прошедших десятилетий.

Задумавшись однажды надо всем этим, я решил обратиться к архивным материалам.

Русское руководство по боксу принадлежало перу Кистера. Кем же был этот Кистер? На страницах старой спортивной литературы встречается имя этого человека. Барон Кистер (его фамилия писалась только вместе с этим титулом) когда-то содержал в Москве атлетическую арену, так и называвшуюся — «Арена барона Кистера». В годы, предшествовавшие первой мировой войне, о деятельности Кистера уже почти не помнили. «Начинания Кистера «канули в Лету», не оставив почти никаких сле-

дов» — эти слова были написаны в одном из старых спортивных журналов еще в 1912 году. Ну разве можно было остаться равнодушным к этим давним и уже прочно забытым событиям, лежавшим у самых истоков нашего спорта? Конечно же, нет!

Начал я с внимательного просмотра современных работ по истории русского спорта. В подавляющем большинстве их Кистер не был даже упомянут. Лишь в одном или двух называлась его фамилия в перечне основоположников московской тяжелой атлетики.

В нескольких личных спортивных архивах, с которыми мне удалось ознакомиться, тоже ничего не обнаружилось, и теперь оставался только один, самый трудоемкий способ: просмотреть подшивки газет и журналов за те годы, когда предположительно Кистер начал свою спортивную деятельность.

Восемьдесят лет назад, когда культивировавшиеся в России виды спорта можно было в буквальном смысле пересчитать по пальцам, существовал все же один самый популярный, а быть может, просто наиболее модный. Это был «циклизм», как называли в те годы велоспорт. Сейчас, когда мы упоминаем об «изобретении велосипеда» лишь в сугубо пролическом смысле, нам трудно представить, чем был он для поколения наших прадедушек и прабабушек. Тогда о велосипеде писали как о «величайшем изобретении XIX века». Значение этой машины мыслилось в рамках куда как более широких, чем использование только в спортивно-туристских целях. Даже технический прогресс будущего многие горячие головы представляли всего лишь как варианты применения велотехники в самых разнообразных областях. Циклисты выезжали на пикники, устраивали туристские поездки, участвовали в гонках. Состязались не только в быстроте, но и в умении вести машину на минимальной скорости. Играли в поло на велосипедах, соревновались в «фигурной езде» — велоэквилибристике. Энтузиасты умудрялись ездить на своих тяжелых первобытных «бициклах» по заснеженным зимним дорогам. И даже в Московской городской думе спорили о «вопросах велоспорта»: невиданные прежде машины пугали упряжных лошадей...

В девяностых годах прошлого века выходило целых четыре велосипедных журнала. Конечно, очень могло быть, что в них о Кистере не было ни строчки, но это единственные спортивные издания тех лет; посмотреть их было

просто необходимо... И вот в научном зале Ленинской библиотеки с нетерпением открываю темно-красную, отлично сохранившуюся обложку московского журнала «Циклист» за 1895 год. («Выходит по обширной программе, обнимающей велосипедный спорт во всех его проявлениях»). Погружаюсь в мир велоновостей восьмидесятилетней давности: «Грандиозные состязания на звание первого ездока севера России на 1895 год», «Граф Л. Н. Толстой и его первые уроки езды на велосипеде», «Пневматические шины» (это в разделе «Новости техники!»), «Женщина и велосипед», «Циклизм и спиритизм» и даже «Дуэль на шпагах на велосипедах»!

И в одном из 52 номеров за 1895 год так и не оказалось сообщений о каких-то иных видах спорта. Увы, спортивный фаворит всегда склонен не замечать своих рядовых собратьев!

Беру подшивку следующего, 1896 года — та же картина. Уже слабо веря в успех, продолжаю уныло листать страницы, но вдруг в апрельском номере — отчет о I Олимпийских играх современности в Афинах. А там, в явное нарушение велосипедных традиций, обстоятельно рассказывается и о «беге взапуски», и о «борьбе атлетов», и о «подъеме тяжестей»! А в одном из следующих номеров рядом со статьей «Велосипедные злобы дня» новый заголовок — «Кружок атлетов». Речь шла о кружке Кистера.

...Московский пригород за Тверской заставой, в первую очередь Петровский парк, был излюбленным местом для велосипедных прогулок. Там находилась летняя станция Московского клуба велосипедистов. И как раз в Петровском парке, на даче у Александра Ломухина, собирались первые московские атлеты. Это обстоятельство и стало причиной того, что старинный журнал велосипедистов донес до нас сведения о первых шагах русского бокса.

Небольшая спортивная площадка, оборудованная на даче, носила громкое название — «Арена атлетического кружка под управлением барона Кистера». Для занятий спортсмены собирались ежедневно. Их тренировки отличались разнообразием и не ограничивались рамками какого-то одного вида спорта.

Кружковцы занимались поднятием тяжестей, французской борьбой, английским боксом. Уделяли внимание гимнастике, отдельным элементам акробатики и легкой атлетики. Свои «силовые достижения» члены кружка заносили в специальную «книгу записей арены».

Предположения подтверждались: уже в 1896 году — и это как минимум! — бокс действительно культивировался в России. Но что представляли собой занятия первых русских боксеров? Ограничивались ли они разучиванием приемов да условными тренировочными схватками или уже состязались в матчах «на результат»? Журнал давал утвердительный ответ и на этот вопрос.

22 июня кружковцы провели даже «большое состязание в атлетике на звание первого, второго и третьего атлета Москвы на 1896 г.». Соревновались лучшие «атлеты-аматеры», как называли тогда любителей: Кистер, Ломухин, Боровков, Овербек, Васильев, Зеленский и другие. Принимал участие в первенстве и примыкавший к кружку прославленный московский гиревик Сергей Морро-Дмитриев, который считался профессионалом и имел на своем счету всероссийские и «всемирные» рекорды. Соревнования были комплексными. Участники состязались в гимнастике, борьбе, боксе и, наконец, в поднимании тяжестей, чему, по-видимому, придавалось особое значение. Звание первого атлета было присуждено Морро-Дмитриеву, который взял наибольший вес, намного оторвавшись от остальных.

«Посмотреть на это оригинальное зрелище собралась масса публики, которая была допущена бесплатно, — констатировал «Циклист». — Все, видимо, интересовались этим редким в России спортом и дружно поощряли исполнителей».

Победителем в боксе я, конечно, настроился увидеть самого Кистера — такова элементарная логика, которую далеко не всегда подтверждает жизнь. Руководитель кружка действительно отличился на состязаниях, но вовсе не в боксе, а во французской борьбе. Сильнейшим же на ринге стал Сергей Ломухин. Его и следует считать первым чемпионом Москвы. (А может быть, и первым фактическим чемпионом всей России, так как бокс культивировался тогда только в Москве?)

Ученики Кистера составили своему тренеру сильнейшую конкуренцию и боролись за победу, не признавая никаких авторитетов. Всего через неделю в очередном матче, который на этот раз проходил на московском циклодроме, Кистер оказался побежденным еще раз. Его противнику — Зеленскому удалось нанести большее количество ударов...

Спортсмены «Арены» каждую субботу устраивали публичные выступления — «атлетические вечера», собиравшие

московских любителей спорта. Популярности выступлений, конечно, очень способствовало совсем недавнее и такое выдающееся спортивное событие, как Афинские олимпийские игры. Да и кружковцам было что показать. «Премиированный гимнаст» Васильев восхищал зрителей своими «акробатическими прыжками сальто-мортале с простого трамплина через девять человек». Демонстрировалась входившая в большую моду борьба «а la francaise», перед которой зачитывались «новейшие парижские правила». И на каждом из таких вечеров непременно помером программы был бокс.

Кружковцы установили тесный контакт с поклонниками велоспорта и многие из своих атлетических выступлений не зря проводили на циклодроме в перерывах между гонками. И вот по мере того, как я все далее углублялся в подшивку «Циклиста», сообщения о велосипедных делах прямо-таки на глазах пополнялись новостями бокса.

Казалось бы, что интересного можно встретить в запытанной в последних страницах журнала рубрике клубных объявлений? Но именно они убедительно подтвердили, что бокс сильно заинтересовал велоспортсменов. Пример соседей-атлетов оказался поистине заразительным.

Московский клуб велосипедистов поместил в журнале такое объявление: «Гимнастические аппараты и принадлежности для бокса предполагается приобрести в непродолжительном времени на летней станции Клуба». Не знаю, как насчет «гимнастических аппаратов», но уже в одном из ближайших номеров журнал сообщил, что помимо фехтовальных принадлежностей на летней станции имеются перчатки для бокса. По понедельникам и четвергам посещают станции известные преподаватели и любители: господа Крафт, Постников, Васильев, барон Кистер, Зеленский и другие».

А вскоре: «... даются указания английского и французского бокса известным преподавателем С. С. Апушкиным».

Теперь сообщения о боксе появлялись почти еженедельно в каждом номере: «Клуб предоставляет своим членам и сезонным посетителям для бесплатного пользования принадлежности для фехтования и бокса», «До перехода в зимнее помещение уроки фехтования и бокса будут по-прежнему происходить под руководством господ Т. П. Тарасова и С. С. Апушкина на дворе летней станции Клуба, а в ненастную погоду в беседке и гардеробных комнатах Клуба».

Новый вид спорта привился в Московском клубе велосипедистов довольно прочно и даже вроде бы стал козырем в конкурентной борьбе с другими велосипедными обществами. Занятия продолжались и далее, уже в зимнем помещении клуба. К этому времени появился новый преподаватель — Ф. И. Ольшанник, пришедший на смену Тарасову и Апушкину.

Шел 1896 год. Лусталло еще не начал даже укладывать чемоданы для поездки в далекую Россию, а в Москве имелось уже помимо Кистера несколько преподавателей бокса, и в числе их один даже названный «известным».

Было над чем поразмыслить.

Теперь уже можно было быть уверенным, что начатые поиски не останутся пустой затеей.

Но при всем том я не мог не видеть, что сделал в своей работе только лишь первые шаги. И хотя кое-что о раннем периоде деятельности Кистера уже удалось установить, слишком многое оставалось совершенно неизвестным. Взять хотя бы саму личность руководителя первого кружка московских атлетов. Что это был за человек? Где получил образование? Сколько в те годы ему было лет? Какую имел профессию? Где, наконец, он изучил английский бокс? Самым скверным было то, что получить эти сведения было, по-видимому, уже неоткуда.

В работе волей-неволей наступила длительная пауза. Время от времени, правда, удавалось встретить еще не известные мне упоминания о Кистере в старой спортивной периодике. Так прошло несколько лет, и я уже начал работать совсем над другой темой: собирал материалы об одном из основоположников самбо, тоже уже изрядно забытом, — В. А. Спиридонове. Было известно, что он служил в старой армии и имел чин офицера. Значит, в Военно-историческом архиве мог вполне сохраниться необходимый мне его послужной список.

И вот тогда-то в архиве я решил вместе со спиридоновским запросить и послужной список Кистера. Весьма вероятно, что он тоже был офицером, — ведь в те времена дворяне частенько избирали военную карьеру.

Мне выдали похожий форматом на современную анкету прошнурованный и скрепленный гербовой печатью старый офицерский послужной список с архивным номером 47. Плотная его бумага заметно пожелтела, а сургуч печати на последнем листе уже начал крошиться. Собственно, список и являлся не чем иным, как давней формой

анкеты, в которой фиксировались биографические данные офицера и все его продвижения по службе.

Конечно, сухие и лаконичные анкетные строки — это отнюдь не образный рассказ очевидца, полный живых ярких деталей, но, исходя именно из этих строк, я получил возможность точно восстановить даже ту реальную, живую обстановку, которая окружала моего героя.

Михаил Оттонович Кистер происходил из костромских дворян. К тому времени, о котором шла речь в «Циклисте», имел двадцать девять лет от роду и был поручиком Первого лейб-гренадерского Екатеринославского полка, квартировавшего в Москве. Как и многие дворянские отпрыски, которым родители прочили военную карьеру, Михаил начал свое образование в военной гимназии, преобразованной в дальнейшем в кадетский корпус. Из кадетского корпуса вынес он свою любовь к спорту, который повлиял на всю его жизнь. Все началось с обычного мальчишеского увлечения коньками и гимнастикой, которую преподавали кадетам. Но одних только немудреных учебных упражнений Михаилу очень скоро стало не хватать. В годы, когда спорт представлялся неким не очень-то приличным чудачеством, кадет-старшеклассник начинает посещать Русское гимнастическое общество, созданное при активном участии Чехова и Гиляровского. Самым популярным лицом в обществе был пионер русского спорта Александр Постников. Таким образом, Кистер уже в юности устанавливает контакт с элитой московского спорта. Он принимает участие в состязаниях гимнастического общества, а в девятнадцать лет удостоивается на них высшего приза. Эта награда стала первой в длинном ряду его спортивных трофеев.

После кадетского корпуса Михаил поступает в Александровское военное училище. Для него это было большой удачей. Здесь обязательной являлась не только общая утренняя молитва, но и утренняя гимнастика. В богатейшей библиотеке училища имелся неплохой набор литературы по физическому воспитанию на трех языках.

Писатель А. И. Куприн, будучи на два класса младше Кистера, прошел через те же самые военные учебные заведения. В своих произведениях он дал прямо-таки документально точное их описание. Писатель свидетельствует, что «по училищным преданиям, в неписаном списке юнкерских любимцев» значились «знаменитый гимнаст и жюлькобежец Постников», «знаменитые фехтовальщики Пуарэ и Тарасов». Все они: и Постников, и Тарасов, и обу-

чавший велосипедистов боксу Апушкин — были в разные годы «приватными преподавателями фехтования и гимнастики» в Александровском училище. Можно не сомневаться, что эти юнкерские любимцы умели привить интерес к спорту.

Когда я еще не был знаком с биографией Кистера, мне казалось, что свои познания в области «благородного искусства самозащиты» барон мог привезти только непосредственно из Британии — в России-то тогда, как считалось, не было бокса и в помине! Однако, изучив послужной список Кистера, я мог с уверенностью сказать, что за пределы России Кистер не выезжал (во всяком случае, до тридцатитридцатипятилетнего возраста). Так откуда же это его непонятное пристрастие к боксу?

Думается, то, что Михаил прошел курс именно у Тарасова, вносило необходимую ясность. Тарас Петрович Тарасов был одним из лучших если не самым лучшим, в России фехтовальщиков. Фехтовал он с необыкновенным искусством. Мог, например, ловко орудуя штыком, уверенно противостоять вооруженному саблей всаднику и даже без труда выбить того из седла. Разносторонний спортсмен, он знал и бокс, но главным образом французский.

Следует заметить, что отношение к боксу в те годы было узко утилитарным: только как к приемам самозащиты или, в лучшем случае, как к подсобному общеразвивающему упражнению. Бокс как вид спорта в России еще не родился. Придать ему спортивные очертания, ввести в число культивировавшихся в стране видов спорта, начав регулярные тренировки и состязания, — все это еще предстояло сделать Кистеру.

По окончании училища молодой офицер получает назначение в Углицкий пехотный полк. Похоже, однако, что барон привел в движение все свои родственные связи, чтобы снова оказаться в Москве. Теперь в течение целых пяти лет ему время от времени приходится разъезжать по Московской губернии, обучая ратников государственного ополчения, то есть рядовых запаса. Поручик Кистер прививал военные навыки молодым мужикам Землянского, Остроужского, Богородского, Верейского уездов. Но существовало кое-что такое, чему он мог поучиться и у них. Досконально познакомиться со всеми ухватками лихих русских кулачных бойцов.

Кистер, несомненно, был одним из энциклопедистов спорта. Коньки еще детское его увлечение. Гимнастику.

фехтование, конный спорт и стрельбу он начинает осваивать как обязательные учебные дисциплины в кадетском корпусе и училище и, совершенствуясь в них, достигает немалых успехов. Затем в сфере его интересов оказываются поднимание тяжестей, английский бокс, французская борьба. Эти виды спорта, особенно бокс, навсегда останутся самыми близкими ему, даже тогда, когда будут возникать очередные спортивные привязанности. Бывая в Петербурге в знаменитом атлетическом кружке доктора Краевского и выступая там в состязаниях по гиревому спорту, увезет Кистер домой добрых четыре десятка наградных жетонов. А освоив спортивную ходьбу, как один из эффективных элементов боксерской тренировки, поставит даже всероссийский рекорд: пройдет полверсты за две минуты пятнадцать секунд. В 38 лет неумный энтузиаст завоюет в Московском яхт-клубе второй приз по фигурному катанию и увлечется вдруг легкоатлетическими прыжками, чтобы еще через пять лет заняться уже метанием копья...

Кистер был не только самозабвенно увлеченным спортсменом, но и одним из первых русских тренеров, бескорыстных организаторов и пропагандистов спорта. Он не только систематически тренировался сам, но всегда охотно делился с товарищами своими познаниями, создавал спортивные кружки, устраивал публичные выступления спортсменов.

Кроме того, Михаил Оттонович начинает работу по созданию целой серии доступных печатных спортивных руководств; некоторые из них стали вообще первыми в своей области пособиями на русском языке. В 1893 году выходит первая книга Кистера — «Наращение мышц гирями», выдержавшая пять изданий. Через год появляется «Английский бокс», в предисловии к которому автор писал: «Предлагая нашим спортсменам это руководство, я убежден, что оно дает возможность изучить бокс без руководителя». При создании этой книги было использовано, только вышедшее в Лондоне руководство «Боксирование и спарринг». Ряд иллюстраций представлял собой некое подобие кинограмм: показывалась не только начальная, но — пунктиром — и конечная фаза удара или защитного действия. Последнее, третье, издание руководства вышло в свет уже после революции — в 1918 году.

Одна за другой выходят книги Кистера: «Атлетика — тяжелые гири» (1895), «Английская ходьба (Walking). Атлетический спорт и необходимая тренировка для атле-

тов, борцов, боксеров, гимнастов, гребцов, конькобежцев, велосипедистов и многих других» (1897 г.), «Борьба, все восемь лучших способов всего света» (1898 г.), «Практическое руководство к легкому и скорому изучению бега на коньках» (1900 г.), «Вся гимнастика на деревянной лошади (кобыле)» (1901 г.), «Гигиена силы» (1902 г.), «Вольтижировка. Практическое руководство с рисунками» (1903 г.).

За десять лет Кистером было создано девять пособий по самым различным видам спорта, почти каждое из которых выдержало по несколько изданий.

Атлетический кружок в Петровском парке стал популярен. Осенью 1896 года Кистер снимает помещение в центре Москвы и ставит дело на широкую ногу. Начинает функционировать «Арена Кистера», которая сразу же становится одним из главных спортивных очагов России тех лет.

«Если вы, проходя по шумной Тверской улице, войдете в один из подъездов Постниковского пассажа и поднимитесь во второй этаж, вы сразу очутитесь в другом мире, вам покажется, что вы не в Москве, а в древней Спарте, где когда-то воспитывались здоровые, крепкие поколения, — восторженно рассказывал об «Арене» журналист того времени. — Большая квадратная зала. Стены сплошь увешаны портретами представителей атлетического и гимнастического спорта. Тут же висят рапиры и наличники. На полу гири, штанги и другие тяжести. Комната наполнена молодыми людьми, вид которых столичного обывателя поражает своей странностью. Обнаженные торсы, крепкие мускулы, здоровые лица, плечи — косая сажень, грудь — колесом. Хилому столичному обывателю просто завидно смотреть на этих здоровых и сильных юношей...» Корреспонденция называлась «у Геркулесов». И в этом, пожалуй, не было особого преувеличения.

На «Арене» по-прежнему культивировали виды спорта тогдашней «тяжелой атлетики»: поднимание тяжестей, борьба и бокс. Знаменитые московские силачи Морро-Дмитриев и Моор-Знаменский приходят сюда устанавливать свои рекорды. По старой традиции с первых дней существования «Арены Кистера» возникает острая конкуренция между атлетами Москвы и Петербурга. Началась, как тогда говорили спортсмены, «отчаянная резня на рекорды».

Представители «Арены» ездят в город на Неве демонстрировать свои достижения перед кружковцами доктора

Краевского. В свою очередь, «Арена Кистера» принимает у себя таких блестящих петербургских атлетов, как Георг Гаккеншмидт, Иван Шемякин, Гвидо Мейер.

На вечерах «Русской силы и ловкости», которые «Арена Кистера» проводила в Манеже, цирке, летних садах, бокс занимал почетное место. Первыми там скрестили перчатки ученики Кистера Соловейчик и Геннигсен. Должно быть, они уже неплохо владели боксерской техникой: ведь вскоре Геннигсен сумел на равных соперничать с английским профессионалом Гаррисоном. Бокс был еще явно в новинку, так как журналистов поражает вся обстановка матча: «Английский бокс. Участвуют: боксер арены Геннигсен и профессиональный боксер из Лондона Фред Гаррисон. Геннигсен и Гаррисон—две противоположности. Первый — худой и бледный, второй — румяный, здоровенный толстяк. Сзади стула, на котором отдыхает Гаррисон, человек ставит таз с холодной водой и приносит лимон. Когда боксеры отдыхают, публика видит курьезное зрелище. Гаррисон сидит развалившись на стуле, а человек вытирает ему мокрым полотенцем лицо и кладет ему в рот кусок лимона. Оба боксера не уступали друг другу: попало и тому, и другому».

Москвичи относились к боксерским выступлениям с большим интересом. «Английский бокс пришелся по вкусу публике...», «Самыми же интересными номерами были, бесспорно, те, которые заключались в английском боксе...» — из номера в номер констатирует «Циклист». И все это происходит ранней весной 1897 года, то есть более чем за год до той даты, которая теперь принимается за отправную точку в истории нашего бокса. Очевидно, можно говорить только о московском, но не о петербургском дебюте этого вида спорта. Ведь в те дни, когда москвичи уже всю «болели» на матчах бокса в Манеже, Лусталло только-только обосновался в Петербурге, а Гвидо Мейер еще не получал у него свои начальные уроки боя в перчатках.

Британский боксер провел в Москве еще несколько боев. Особенно интересным был тот, где ему противостоял любитель, скрывший свое имя под псевдонимом «Господин N». Вероятно, это был один из наиболее сильных московских боксеров. Судя по журнальному отчету, шансы его оценивались высоко. Не случайно там сказано, что «Господин N» в своем английском сопернике нашел достойного противника, так что борьба окончилась вничью».

Выступления спортсменов под псевдонимами были довольно обычными в то время. Участие в состязаниях, особенно с профессионалом, могло считаться неприличным, и прежде всего, конечно, для аристократа. Установить, кто именно из московских спортсменов боксировал с англичанином, сейчас едва ли возможно, но, сопоставляя все обстоятельства, наиболее вероятно было бы утверждать, что это был сам Кистер.

У него были основания скрывать в такой ситуации свое имя. Дальнейшие события наводят на мысль, что содержание «Арены» и участие в состязаниях могли причинить Кистеру серьезные неприятности, как офицеру гвардии и титулованному лицу. На первом же году существования «Арена» была переведена на имя супруги Кистера (Михаил Оттонович был женат на сестре своего товарища по спорту Александра Ломухина). А еще через год блестящий гвардейский офицер уходит в отставку «по домашним обстоятельствам».

Сняв офицерский мундир и получив, наконец, полную свободу действий, Кистер включился в чемпионат французской борьбы, проходивший в саду «Олимпия». Ему противостояли великаны профессионального борцовского ковра во главе с такими прославленными мастерами, как чемпион Европы и мира Георг Гаккеншмидт, Михель Гиплер, по имени которого назывался один из приемов борьбы. Разумеется, Кистер терпит в этих поединках поражение. В прессе посмеиваются над незадачливым атлетом, но, как истого спортсмена, Кистера это не смущало.

«Арена баронессы Кистер» функционировала всего несколько лет и, перешагнув рубеж нынешнего столетия, вскоре прекратила свое существование. С ее закрытием развитие бокса в Москве, а быть может, и во всей России задержалось на целое десятилетие. В тех условиях начинания Кистера были невольно обречены «кануть в Лету». Еще живы были люди, которых приобщил он к радости спортивной борьбы, долго переиздавались его книги. Но при всех своих благих замыслах и даже несомненных действительных заслугах он так и остался безвестным Дон-Кихотом российского спорта, чьи благородные устремления не были поняты.

Спорт, в первую очередь борьба, быстро начинал превращаться в доходное зрелище, притягивавшее оборотистых дельцов. А барон был никудышным коммерсантом, да и не ставил никогда цели извлекать доходы из своего вы-

сокого кумира — спорта. Его финансовые возможности окончательно истощились, и бывший устроитель спортивных вечеров, аристократ оказался в скромной роли преподавателя гимнастики нескольких московских учебных заведений. А затем отставной гренадерский штабс-капитан поступает на службу в Московский интендантский вещевой склад помощником письмоводителя.

Сорокатрехлетнему барону присваивают низший чиновничий чин — титулярного советника...

Пора, однако, вернуться к тому, с чего я начал эту главу. Дата, считающаяся «днем рождения» бокса, оказалась ошибочной. Но с какого же периода следует отсчитывать историю нашего ринга?

Становится ясно, что отечественный бокс родился в Москве незадолго до 1896 года, в июне которого Кистер и его товарищи уже довольно уверенно состязались в этом виде спорта. «Циклист» писал, что «Арена Кистера» существует и устраивает субботние атлетические вечера еще с июня 1895 года. Ну а когда именно начал там культивироваться бокс? Этот вопрос оставался открытым, и ответить на него можно было только предположительно. Такая незавидная степень точности казалась пределом возможного. Но это только до того момента, пока не вспомнился один любопытный документ, встреченный мною однажды в обширном и интереснейшем собрании Бориса Михайловича Чеснокова, старейшего спортивного журналиста, ветерана и отменного знатока русского спорта.

В одном из его альбомов, где расклеены материалы о русском спорте из газет и журналов девяностых годов прошлого века, среди кричащих цирковых анонсов и восторженных корреспонденций из Вены о первых блистательных победах Гаккеншмидта — «Русского льва», портретов известных атлетов, рисованных изображений борцовских, фехтовальных, боксерских схваток была и «Программа атлетического вечера № 6 — Первого Московского атлетического кружка Морро 15 июля 1895 года».

«Морро» — псевдоним известного тяжелоатлета Сергея Дмитриева, который поначалу был связан с «Ареной Кистера» и даже участвовал в ее выступлениях. У Дмитриева имелась и своя «Атлетическая арена». Считалось, что программа относится к выступлениям спортсменов именно «Арены» Морро-Дмитриева. Вызывал удивление в ней всего лишь один номер: «Английский бокс (правила маркиза Куинсбери)». Как он оказался там? Этого не мог объяс-

пить даже Борис Михайлович Чесноков. Он был близко знаком с покойным Дмитриевым, в десятых годах являлся его учеником, членом «Атлетической арены» и хорошо знал, что бокс там никогда не культивировался. Да и вообще о русском боксе середины девяностых годов прежде известно ничего не было, а здесь вдруг с полным знанием дела ссылка на новые правила Куинсбери, пришедшие на смену стародавним и слишком суровым правилам английского призового ринга. Тогда это являлось настоящей загадкой. Но все то, что я узнал в своих поисках, убеждало: за загадочной строкой программы могли стоять только Кистер и его ученики. Несмотря на расхождения в названиях, программа должна была относиться к выступлениям именно кистеровского кружка. Впрочем, это, в свою очередь, тоже следовало еще доказать.

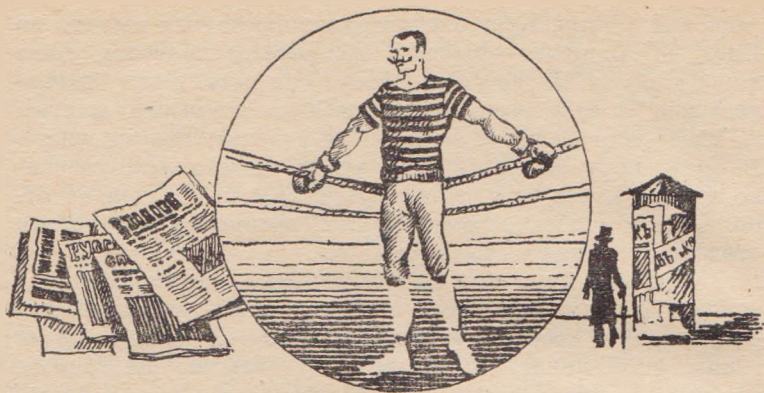
Прежде всего, удалось установить, что упомянутый в программе кружок «Морро» и «Арена» Морро-Дмитриева никак не могли являться одной и той же спортивной организацией. Очередной поход по страницам старой периодики показал, что Дмитриев основал свою «Арену» лишь в 1897 году и вроде бы даже в противовес кистеровской, от которой он к этому времени уже отделился. Но если появление «Арены» Морро-Дмитриева отстояло от указанной в программе даты на целых два года, то дни выступлений кружка Кистера совмещались с той же самой датой просто идеально. Атлетические вечера неизвестного кружка «Морро» точно так же, как и кистеровские, устраивались по субботам. «Вечер № 6» состоялся 15 июля 1895 года, значит, первый приходится как раз на июнь. Именно тот месяц, когда, по утверждению «Циклиста», появился и начал свои выступления кружок Кистера.

Кроме того, кружок «Морро» назван в программе «Первым Московским», а ведь впервые московские атлеты объединились под руководством того же Кистера. Сейчас уже едва ли удастся установить: дал Кистер созданному им спортивному клубу наименование «Морро» в честь наиболее способного из своих товарищей-атлетов или же, наоборот, сам Дмитриев избрал название кружка в качестве псевдонима. Во всяком случае, очевидно, что уже на втором году существования кружок отказывается от своего прежнего названия.

Точку в моих поисках поставила последняя строка программы, в которой указывалось место проведения атлетического вечера кружка «Морро»: Ходынка — Екатерино-

славский лагерь. Круг окончательно замкнулся именно на Кпстере! Ходынка — бывший московский пригород, тоже неподалеку от Петровского парка. Там покоя веку располагались летние лагеря московских воинских частей. А Екатеринославский полк — как раз тот, где служил в то время поручик Кпстер. Вот теперь можно было уверенно говорить, что загадочная программа действительно относилась к атлетическому кружку, который впоследствии стал известен как «Арена Кпстера».

По давней традиции при определении юбилейных дат исходят из самого первого и достоверного упоминания в документах о соответствующем событии. В нашем случае таким упоминанием является свидетельство программы кружка «Морро» о боксерских состязаниях в лагере Екатеринославского полка, состоявшихся 15 июля 1895 года. Вот эта дата, думается, и должна являться исходной в истории отечественного ринга.

Как это ни обидно, но машина времени не входит в профессиональный инвентарь спортивного журналиста. Писатели-фантасты, придумавшие это диковинное сооружение, владеют им монопольно. Волей-неволей позавидуешь счастливым! Так бы и ухватился обеими руками за мудреный агрегат, мигом оседлал его и умчался бы в далекое XXIII столетие, где научный прогресс достигнет невероятных высот!

Словно живой представляется подвижник науки будущего. Задавшись целью установить дату первого чемпионата России по боксу, он привычным движением сильных рук нажимает кнопки шедевра техники — компьютера девятьсот девяносто девятого поколения. Нетерпеливо ждет результата в течение целых 2,26 секунды, но сообразительная машина только смущенно мигает всеми своими лампами и упорно отмалчивается. Тогда настойчивый и не отступающий перед трудностями историк спорта решительно засучивает рукава и до отказа затягивает все гайки мудрой машины. Только после этого она, жалобно и оскорбленно заскрежедав, выдает богатую подборку цитат из книг, газет и журналов, писавших о боксе в наши с вами, уже очень отдаленные, времена. И вот тогда наступает очередь недоуменно заморгать самого исследователя. «Ну и штука! — несколько растерявшись, скажет он, прочитав на длинной бумажной ленте, вылезшей из машины:

«Наконец соревнования по боксу включаются в программу третьего тяжелоатлетического первенства России, проводившегося в Петербурге в апреле 1899 года».

«В 1912 году Санкт-Петербургское атлетическое общество провело «Всероссийский чемпионат бокса», громкое название которого, правда, мало отвечало масштабу соревнования и составу участников. Это можно считать первым русским чемпионатом по боксу».

«Первые соревнования на территории Российской империи были проведены в Петрограде в 1916 году. Тогда выяснилось, что русские боксеры никаким классом не обладают и что учиться им, по существу, не у кого...»

ПЕРВЫЙ И АБСОЛЮТНЫЙ

Мы уже привыкли к тому, что первенства в любом виде спорта организуют соответствующие федерации, общества, лиги и другие спортивные объединения. Однако самый первый чемпионат России по боксу родился благодаря личной инициативе и энергии всего лишь одного-единственного спортсмена. Принять участие в этом знаменательном первенстве атлеты приглашались в такой вот своеобразной форме:

«И. Б. Граве вызывает любого русского боксера-любителя на матч в английском боксе на звание чемпиона России 1913 года. Матч устраивается 18 ноября в 10 часов вечера в помещении общества «Санитас» (Инженерная, 10). В случае большого количества участников состязания продолжатся 19, 20 и 21 ноября».

Но какие же события предшествовали появлению на страницах спортивных журналов такого смелого заявления? И кто был этот Граве, решившийся бросить вызов всем боксерам страны, независимо от их мастерства и весовой категории?

К сожалению, пионер российского ринга разделил судьбу подавляющего большинства замечательных спортсменов своего времени: даже среди любителей бокса имя его известно немногим. Служению физической культуре была отведена вся его жизнь, а начиналась его деятельность еще в те далекие дореволюционные годы, когда увлечение спортом казалось по меньшей мере странным и было благодат-

ной дежурной темой всех острословов, до газетных фельетонистов включительно.

Латыш Янис Граве почти всю свою жизнь прожил в Петербурге и, вероятно, поэтому даже в документах именовался на русский манер — Иваном Бальцеровичем. Увлечение спортом началось с гантельной гимнастики, и была это извечная история: слабосильный, щедушный юноша мечтал стать «настоящим мужчиной». Старый спортивный журнал утверждает, что именно благодаря гантелям Граве «приобрел красивую, пропорциональную мускулатуру». С интересом начинает упражняться он и в поднимании тяжестей, а затем в других видах спорта. Как почти все спортсмены тех лет, Граве был универсалом. Спорт стал для него захватывающим увлечением, любимым досугом.

Работа у книжного торговца Риккера отнимала по двенадцать часов в день: нередко Граве из-за этого не мог даже принимать участие в состязаниях, и тем не менее энтузиаст с удовольствием вторгался во все новые и новые области спорта. Вслед за тяжелой приходят легкая атлетика, лыжи, бокс, гребля. В тот начальный период развития отечественного спорта, когда спортивные достижения являлись еще сравнительно невысокими, подобный универсализм был не только возможен — при этом даже имелись шансы показать рекордные результаты. Граве не раз брал призы в лыжных и гребных гонках. Что же касается его успехов в поднимании тяжестей, то даже тогда, когда он уже полностью переключился на бокс, один спортивный журналист вспоминал: «В прошлом И. Б. Граве был выдающимся гиревиком среднего веса, и его чистый рывок двумя — 220 фунтов — доныне остается русским рекордом в его классе... В общем, это тип «нормального атлета», пока редкий в России». (Под «нормальным атлетом» понимали тогда человека, пропорционально развитого и добившегося хороших показателей в основных видах спорта.)

В те времена спорт являлся сугубо личным делом, но Иван Бальцерович никогда не был спортсменом «только для себя». Он охотно и бескорыстно делился своим опытом с товарищами, выступал инициативным спортивным организатором. Имея всего лишь двух-трехлетний спортивный стаж, уже работал в качестве бесплатного преподавателя общества «Калев», объединявшего живущих в Петербурге эстонцев. А в 1907 году вместе с известным тяжелоатлетом и спортивным деятелем Л. А. Чаплинским становится одним из учредителей и вице-председателем общества физи-

ческого развития «Санитас», в котором тоже преподает, как мы сказали бы теперь, на общественных началах.

Таким образом, в бокс Граве пришел, имея уже солидный багаж физической подготовки. А петербургский бокс представлял в те годы знающий и очень популярный преподаватель — француз Эрнест Лусталло. Его специальностью, однако, был не английский бокс, практикуемый у нас ныне, а «савват» — так называемый «французский бокс».

В давние времена французское простонародье разработало технику сокрушительных боевых ударов ногами, даже таких мудреных, как удар в челюсть. Преподаватель Шарль Лекур изучил эту технику и, желая создать наилучшую систему самозащиты, ввел в нее также удары кулаком, принятые в английском боксе. Это детище Лекура и стало именоваться французским боксом. Своеобразная и совсем неплохая система самозащиты, как спорт она едва ли имела будущее. Но тем не менее в России еще с 1898 года регулярно проводился всероссийский чемпионат по французскому боксу, впрочем не собиравший даже десятка участников.

Граве прошел школу Лусталло и, освоив «савват», тоже принимал участие в чемпионатах России. Однако этот спорт ему не понравился, он жаждал познать «настоящий», английский бокс. Считалось, правда, что каждый изучивший «савват» овладевал определенными навыками английского бокса. Но навыки эти были уж очень бедными.

Годы, о которых идет речь — рубеж первого и второго десятилетия нынешнего века, — были временем бурного роста интереса к боксу во всем мире. Отсталая в спортивном отношении Россия отозвалась на это поветрие не сразу. Но вскоре английский бокс начинает преподаваться не только в обеих столицах — Петербурге и Москве, но и в Клеве, Одессе, Харькове, Новороссийске, Мариуполе и других городах. Частенько не имевшие преподавателей спортсмены пытались осваивать этот спорт самостоятельно по книгам, обычно иностранным.

Сторонники английского бокса по количеству уже превосходили приверженцев «саввата». Но за плечами последних стояли слишком влиятельные спортивные авторитеты, отнюдь не помышлявшие сдавать своих позиций. Популярный спортивный журнал «Геркулес», например, проницательно писал о спортсменах, которые «начали усиленно угощать друг друга изобретением «просвещенных мореплава-

телей» — сиречь боксом». И сетовал, что «к сожалению, больше увлекаются английским боксом, между тем как французский гораздо более применим к жизни и развивает все тело».

Таковы были условия, в которых Граве в одиночку начал свой бунт против утвердившегося диктата французского бокса. Бунт, в конечном счете похоронивший этот архаичный спорт и принесший все права гражданства английскому боксу.

Граве начал усиленно практиковаться в заинтересовавшем его виде спорта, самостоятельно совершенствоваться в нем. А когда в Петербурге появился некий Гельгасон, отрекомендовавшийся чемпионом Исландии по боксу, Граве без колебаний «скрестил» с ним перчатки, хотя и уступал в весе целых тринадцать с половиной килограммов. Проиграв исландцу, упрямец не побоялся вторично, через месяц, снова выступить против него, но так и не смог добиться желанного реванша. Уступил он, однако, после смелой и упорной борьбы. Это показывает даже счет матча, который велся по количеству нанесенных бойцами ударов — 14 : 9.

Наверное, это состязание должно было убедить Граве, что без опытного, знающего наставника, самостоятельно, освоить такой сложный вид спорта, как бокс, невозможно. Но у него на этот счет уже давно было принято решение. Несколько лет он упорно, систематически изучал английский язык и откладывал деньги из своего небольшого жалования. Раз в России не было своих специалистов, изучить английский бокс он решил непосредственно на его родине. Весной 1913 года Иван Бальцерович получил, наконец, возможность осуществить свою давнюю мечту и поднялся на борт парохода, шедшего в Лондон.

В британской столице, не теряя ни дня, явился в редакцию спортивного журнала, отрекомендовался и попросил назвать ему хорошего, но недорогого тренера. Ему указали экс-чемпиона Англии Ламберта. Под его руководством Граве и прошел суровую школу старого английского бокса.

Ламберт добросовестно обучал русского спортсмена. Ученик оказался на редкость прилежным и не боялся получать самые крепкие удары, на которые тренер, как водится, не скупился. Граве стал первым боксером России, о котором английские спортивные журналы рассказали своим читателям. Отзывались о нем очень благожелательно: из пяти боев, проведенных на лондонском любительском ринге, в трех новичок сумел выйти победителем.

Домой Иван Бальцерович возвратился триумфатором. Спортсмен, изучивший благородное искусство самозащиты в самой Англии — «стране бокса», — это производило сильнейшее впечатление. Именно тогда, уже глубокой осенью тринадцатого года, Граве и предложил боксерам России помериться с ним силой. Прежде он всегда охотно выступал в роли и преподавателя, и бескорыстного спортивного организатора. Теперь, когда на него уже смотрели как на самый крупный боксерский авторитет страны, он особенно активно развернул эту свою деятельность, вполне оправдывая возлагавшиеся на него надежды. В своем обществе «Санитас» он организует первое в России состязание по боксу для юниоров, выступив на нем в роли компетентного главного судьи.

Естественно, что Граве считался наиболее искушенным и сильным боксером России, но сам он отнюдь не желал так вот авансом, без боя получить славу сильнейшего. Он желал утвердить ее на ринге в честном бою. Стать официальным чемпионом страны.

В ту пору уже был организован Всероссийский союз тяжелой атлетики (ВСТА), и в некоторых работах по истории спорта можно сейчас прочесть, что своим рождением первый чемпионат по боксу якобы обязан данному объединению. Но это всего лишь досадная ошибка! Хотя бокс наряду с борьбой и подниманием тяжестей входил тогда в понятие «тяжелая атлетика», должно было пройти немало времени, прежде чем ВСТА решился включить его в число видов спорта, по которым проводились всероссийские первенства. Это легко объяснить: уж очень сильно уступали боксеры и количественно, и по уровню мастерства своим коллегам — борцам и гиревикам! Лишь только оказавшись перед непреложным фактом, что первенство России по боксу уже проводится, проводится помимо него и вопреки ему, тяжелоатлетический союз перестал, наконец, смотреть на боксеров как на пасынков и начал определять чемпионов страны и в этом «опальном» виде спорта.

Но все это придет только в будущем. Пока же у Граве не было никаких оснований ожидать содействия от каких бы то ни было тяжелоатлетических организаций. Он решает действовать на свой страх и риск. Вот тогда-то и был обнародован его вызов, о котором вы прочитали в начале главы.

Откровенно говоря, свой «ход» Граве позаимствовал из арсенала профессионального бокса. Такие броские вызовы

адресовал всем возможным своим соперникам еще «отец бокса» Джек Броутон. Точно так же поступил и старший современник Граве — Джон Салливен, который объявил себя абсолютным чемпионом мира и предложил любому сомневающемуся в этом встретиться с ним на ринге.

Больше всего хотелось Граве скрестить перчатки с «все-российским чемпионом-любителем по французскому боксу» поручиком Эймелиусом. Отвоевать первенство, вырвав звание из рук чемпиона. Поручик был искушен как в английском, так и во французском боксе. И считался, между прочим, даже чемпионом мира в состязаниях... на большее количество приседаний. Подобный спорт, а тем более присвоение по нему звания мирового чемпиона, кажется нам сегодня откровенно смешным, но достижения Эймелиуса на этом поприще очень ясно показывают его отменную физическую подготовленность: за два часа и шестнадцать с половиной минут — 4444 глубоких приседания на двух ногах, а на одной соответственно 105 и 75 раз подряд.

Однако помериться силами с этим лучшим представителем французского бокса (ему был направлен даже специальный персональный вызов) Граве так и не довелось. По словам прессы, «чемпион России по боксу за прошлые годы поручик Эймелиус с корректностью истого джентльмена прислал еще за две недели до состязаний обстоятельное письмо с подробным объяснением причин, заставивших его отказаться от участия в состязаниях».

Не стал конкурентом Граве и его старейший противник — Гельгасон. Хотя в будущем исландец станет не без гордости именовать себя «победителем чемпиона России Граве», встретиться с ним снова на боевом помосте он уже больше не пожелал. Британский вояж Граве, совершенно очевидно, производил на его возможных соперников слишком сильное впечатление. И хотя сообщалось, что уже записались три конкурента из провинции, что, кроме того, в первенстве ожидается участие московского чемпиона Жукова и других, из иногородних участников в Петербург так никто и не прибыл.

Волею всех этих обстоятельств у Граве оказалось не так много соперников. Противостоять ему решились всего лишь три атлета, все петербуржцы: молодой его одноклубник, тоже разносторонний спортсмен, Кауделька, неплохой пловец, участник Стокгольмской олимпиады, Авксентьев и считавшийся самым опасным противником Лушев, гигант с львиной гривой огненно-рыжих волос. В основном он тре-

ировался в поднимании тяжестей и «саввате». Каждый из трех конкурентов успел уже получить определенную боксерскую подготовку.

Как и было объявлено, состязание началось 18 ноября 1913 года (1 декабря по новому стилю). Несколько лет назад мне посчастливилось беседовать с одним из очевидцев этого исторического чемпионата — народным художником РСФСР, членом-корреспондентом Академии художеств В. В. Лебедевым. Обстановка, в которой проводилось первенство, была самой примитивной. Укрепить стойки ринга в полу зала было невозможно, и поэтому ограждающие канаты держали в руках присутствующие.

Для того чтобы увидеть центральный поединок чемпионата как бы глазами очевидца, предоставим слово журналу «Русский спорт»:

«В первый день была назначена одна из интереснейших пар — Граве — Лушев. Первый поражает своей техникой и выдержкой при относительно малом весе — 4 пуда 10 фунтов¹. Второй при колоссальном росте — 190 сантиметров и весе около 6 пудов² обладает феноменальной силой. Но его удару недостает точности, а дыханию тренировки.

Во всяком случае, пара эта смотрелась с захватывающим интересом. В публике, кстати сказать чрезвычайно многочисленной, царил гробовое молчание. В начале первого раунда Лушев как тигр бросается на противника и наносит целый град жестких ударов, способных свалить сильнейшего человека. Но тренированная физиономия Граве только улыбается. В конце раунда Лушев инкассирует два прямых в живот — он слегка потрясен.

Второй раунд: снова Лушев бросается и загоняет Граве в угол — пять-шесть ударов. Казалось, все они попали в цель. Увы, это только казалось. Граве снова невредим. Прямой в нос вызывает у Лушева кровь. Боковой в живот сбивает ему дыхание. Лушев бессильно опускает руки. Видно, он кончен. Тайм!

Третий раунд: Лушев еще раз пытается напасть, но уже его удары не достигают цели. Руки его отказываются быстро работать. Удар в живот — на этот раз роковой — прекращает его пытку. Его крупная фигура медленно па-

¹ 68 кг.

² 96 кг.

дает на пол. Раз, два, три... десять. Нокаут! Первый матч окончен.

Когда Лушев оправился, противники дружески целуются и пожимают руки. Граве устраивают полную овацию».

Что же, он вполне заслужил эти приветствия. Бой с грозным, значительно превосходившим в весе соперником был построен расчетливо и умно. Граве не просто нокаутировал тяжеловеса — он тактически переиграл его. Позволив атаковать себя в начале боя, четко защищался и только сбивал дыхание ударами в корпус. А перешел в решительное наступление после того, как Лушев оказался уже достаточно обесспленным. Два других конкурента были разгромлены уже без особого труда, и чемпионат окончился полным триумфом Граве.

Недавно с любезной помощью славного ветерана ленинградского бокса П. Е. Верткова мне удалось разыскать на Большой Зеленина в Ленинграде дом, в котором некогда жил и скончался Иван Бальцерович. К сожалению, там уже не оказалось ни родственников, ни даже просто помнивших его людей и могущих о нем что-либо рассказать. Единственное, что удалось там обнаружить, — это чудом сохранившуюся еще с довоенных времен домовую книгу. Совсем уже ветхую, давно утратившую свои начальные листы вместе с обложкой. В ней нашлась запись о прописке Граве. Казалось бы, ничтожно мало, но именно эта старая запись позволила установить один весьма многозначительный факт.

Никто из знавших покойного ветерана не мог даже приблизительно назвать мне год его рождения. Теперь же, точно установив эту дату, я узнал возраст, в каком он стал первой перчаткой страны. И, честное слово, отнюдь не пожалел о затраченном на поиски времени! Этот энтузиаст, благородный фанатик ринга бился за звание чемпиона, когда было ему уже изрядно за тридцать!..

Смелый почин Граве вызвал настоящую ценную реакцию. По боксу, который доселе едва пробивался, был где-то на самых задворках российского спорта, теперь всего за несколько месяцев было проведено в столице добрых полдюжины состязаний самых различнейших рангов: от чемпионата страны до первенства... журнала «Геркулес», сомпевавшегося прежде в достоинствах бокса (победитель получал звание чемпиона журнала). Пожалуй, еще никогда и ни один другой вид спорта у нас в стране не прогресси-

ровал в таком стремительном темпе. «Состязания эти вызвали огромный интерес даже в высших кругах столицы», «С большим успехом прошел розыгрыш Петербурга по боксу...» — сообщали газеты.

На глазах росший интерес к боксу торопил спортивные события, и очень скоро было организовано следующее первенство страны, теперь уже 1914 года. Граве подошел к нему в зените своей недолгой боксерской славы, увенчанный почетными званиями чемпиона Петербурга и России. К этому времени он успел еще несколько раз взять верх над своим самым упорным конкурентом — Лушевым. Однако тренер последнего, опытный Лусталло, уже заметил опасные пробелы в боксерских навыках, которые получил чемпион за время своего кратковременного пребывания в Британии. Освоить удар всегда проще, чем достаточно прочную защиту, и Граве, научившись сокрушительно бить, еще не стал настоящим мастером сложных защитных действий.

Француз усиленно тренировал Лушева, улучшая выносливость и делая основную ставку на его очевидное превосходство в мощи удара. Лишние двадцать восемь килограммов должны были раньше или позже сказать свое решающее слово. Только бы гигант не нарвался снова на нокаутирующий удар противника! Прежде Лусталло не обращал особого внимания на силу, удары в условных схватках французского бокса только обозначались: не удар — а «туше» — касание. Теперь же все внимание было отдано отработке возможно более сильного, решительного удара.

Первенство на этот раз проводилось уже по «весовым классам», но Граве записался для участия не только в своем, среднем, весе, но, как и прошлый год, решил также биться с тяжеловесами. На петербургский ринг теперь впервые выходили и иногородние атлеты. Для того чтобы старые соперники — Граве и Лушев — снова «скрестили» перчатки, каждый из них должен был провести по одному предварительному бою.

Граве потребовалось всего лишь два раунда, чтобы доказать полное превосходство над противостоявшим ему тяжеловесом. У Лушева дела обстояли хуже: все шесть раундов прошли в равной борьбе, и однажды ему пришлось даже побывать на полу. Когда его объявили победителем, с этим решением арбитра не согласился даже ряд членов судейской коллегии, и после голосования была провозглашена ничья.

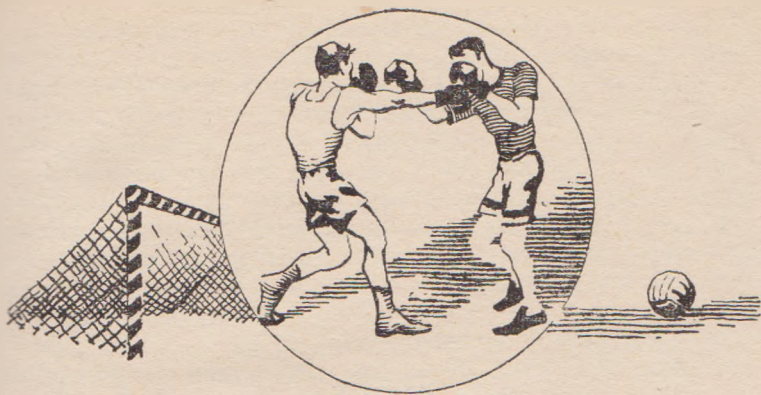
Вероятно, все это настроило Граве благодушно, обещая очередную беспорную победу над старым противником. События развивались, однако, совсем иначе. Используя недостаточную бдительность соперника, Лушев в первом же раунде сильнейшим ударом сбивает его в нокаунт. Обескураженный и разгневанный Граве немедленно поднялся и, стремясь наказать строптивого тяжеловеса, обрушил на него настоящий град ударов, однако решительного нанести не удалось. Забыв о тактическом расчете, чемпион пошел на невыгодный для него обмен ударами. Лушев же доказал в том момент, что уроки прошлых поражений и тренировки с Лусталло не пропали для него даром. Еще дважды сумел он найти пробелы в защите увлекшегося атаками чемпиона, снова отправив его в нокаунт.

«Правда, Граве немедленно вскакивал и, в сущности, наносил Лушеву гораздо больше ударов, чем получал сам, но сбить его в партер не мог, — говорит репортер в отчете о чемпионате. — На втором раунде Лушев (думается, сгоряча) делает Граве удар в то время, когда последний еще лежал на полу. Публика и судьи требуют дисквалифицировать Лушева. Последний просит извинения у публики и у Граве, и арбитр разрешает ему продолжать матч. В результате арбитр признал Граве побежденным».

Это решение породило не только очередной раскол в судейской коллегии, но и вызвало настоящую боксерскую забастовку. Подавляющее большинство участников подало мотивированный протест и продолжать состязания отказалось. Первенство оказалось, по существу, сорванным; чемпионом России тем не менее был провозглашен Лушев.

Обиженный Граве на следующий же день объявил о своем уходе из любительского спорта. И уже как тренер-профессионал занялся преподаванием английского бокса. Служение спорту сделалось для него той самой деятельностью, какой были посвящены все последующие годы его жизни. После революции он работал с «военморами» Балтийского флота, а во Всевобуче готовил тех, кто становился под боевые знамена Красной Армии. И на пенсию, уже в предвоенные годы, он ушел с должности инструктора физкультуры одного из ленинградских рабочих клубов. Умер Граве в военном 1942 году.

И. Б. Граве выпала честь открыть новый период в истории отечественного бокса.

«Оборона рабоче-крестьянской России. Красный фронт. Оперативная сводка. Западный фронт. В Гродненском направлении нами заняты станции Ораны, Беречь, Марцинканцы. Дубичи, Радунь. Юго-Западный фронт. В Сарно-Ковельском направлении паша части ведут бой за переправу на реке Стырь южнее железной дороги. На Крымском участке. В Ореховском и Бердянском районах бои с переменным успехом с перевесом на стороне наших войск. В Таганрогском районе десантный отряд противника отброшен к северу и преследуется нашими войсками севернее Таганрога». («Известия», 21 июля 1920 года)

«М. П. О. доводит до сведения населения г. Москвы, что очередная выдача по хлебным карточкам будет производиться следующим порядком: 1) по купону № 43 основных и детских карточек $\frac{3}{4}$ фунта на 2 дня. 2) По купону № 62 карточки грудного ребенка 1 фунт на 2 дня. («Коммунистический труд», 21 июля 1920 года)

«Московский союз анархистов (Тверская, 19). 26 июля четвертый вечер поэтов пролетариев, посвящается произведениям С. Владимировой, Солина и др. В 9 часов вечера. Вход свободный». («Известия», 25 июля 1920 года)

«Как только прозвучал клич «На Врангеля!», затрепетали сердца питерских красных курсантов. Уже давно набрано требуемое по приказу число, а добровольцы все продолжают прибывать. На станции при проверке налицо оказалось на сотню больше, чем по списку. Несмотря на тщательный надзор, многим все же под тем или иным предлогом удалось присоединиться к отправляющимся. Пойманные с поличным были уличены в «дезертирстве с курсов». («Известия», 18 июля 1920 года)

«Газета «Голос», выходящая в Крыму, сообщает, что в Севастополь прибыл из Англии пароход с грузом орудий». («Коммунистический труд», 22 июля 1920 года)

...А с 22 июля по 7 августа 1920 года в Андреевском зале Кремля проходили заседания II конгресса Коминтерна.

ЭТОТ ДАВНИЙ МАТЧ В ДНИ КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА

«То, что было...»

Об этом любопытном и совершенно необычном боксерском матче я впервые услышал много лет назад от своего тренера Андрея Гавриловича Илюшина, одного из старейших мастеров ринга, чемпиона страны 1922 года и участника первых в советском боксе международных встреч.

Не удивительно, что узнал я от Андрея Гавриловича множество увлекательнейших подробностей из прошлого нашего бокса.

Вспоминая как-то об учениках Павла Васильевича Никифорова — сильнейших в свое время боксеров из ОЛЛСа (Общества любителей лыжного спорта), Андрей Гаврилович заметил, что к ним на спортплощадку в Сокольники однажды приходили состязаться даже англичане из Коминтерна. На мои немедленно посылавшиеся вопросы старый тренер ответил не сразу:

— Нет, фамилий англичан я теперь уже, конечно, не вспомню... А было это, наверно, году так в двадцатом... двадцать первом. В это время в Москве как раз заседал конгресс Коминтерна. Одним словом, в начале двадцатых годов. А вот когда точно, — это я уже не помню...

Состязание, о котором поведал мне мой тренер, не упомянуто ни в одном из очерков истории советского ринга. Считается, что впервые нашим боксерам довелось «скрес-

тить» перчатки с зарубежными коллегами только в декабре 1925 года. Именно тогда три сильнейших советских чемпиона — Лебедев, Градополов и Илюшин отправились в Латвию, бывшую в те годы буржуазной республикой, и успешно провели серию международных встреч с рабочими-спортсменами. Но ведь то, о чем рассказал Илюшин, бесспорно, отодвигало дату первой международной встречи на несколько лет! Иногда, правда, появлялось сомнение: а не перепутал ли чего-нибудь мой тренер за давностью лет? Неужели такой яркий и значительный спортивный эпизод мог забыться?

Когда я спросил об «англичанах из Коминтерна» Никифорова, он подтвердил, что такой матч действительно проводился, но, к сожалению, Павел Васильевич так же, как и Илюшин, уже запомнил и дату, и фамилии участников.

Впрочем, то же самое повторилось и тогда, когда я беседовал еще с несколькими старыми «олелесовцами». Целых полстолетия, должно быть, уж очень большой срок для того, чтобы человеческая память смогла удержать все детали минувших событий. Даже Фомин, которого мне удалось отыскать уже совсем незадолго до его смерти и который, как выяснилось, был одним из непосредственных участников интересовавшего меня матча, так и не смог припомнить ни имени своего английского партнера, ни года, когда состоялась товарищеская встреча...

Я тщательно прочесал каталоги всех центральных библиотек и с величайшим унынием убедился, что ни в 1920-м, ни даже в следующем — 1921 году спортивная периодика у нас в стране не издавалась.

Это, конечно, и не было удивительным. Безжалостно разоренная шестью годами жесточайшей войны и все еще вынужденная воевать, сжатая железным кольцом блокады, Советская Россия переживала тогда небывалые трудности. Голодный паек, нетопленные дома, бесконечные эпидемии, отчаянная разруха в промышленности и на транспорте... Выходило тогда всего лишь несколько газет. И «Правда», и «Известия» выпускались на серой, похожей на оберточную, бумаге. Зачастую всего лишь две полосы слепой, плохо различимой печати. И всякий раз на видном месте — фронтовые сводки, нередко тревожные.

Получить письменные или какие-то другие убедительные сведения о спортивных событиях начала двадцатых годов оказалось невыполнимой задачей. Недаром все-таки

заметил однажды прославленный в прошлом чемпион профессор К. В. Градополов: «О соревнованиях тех героических лет никогда не писали и теперь уже не напишут...» Действительно, было очень похоже, что столь заинтересовавший меня боксерский матч уже безвозвратно потерян для истории нашего спорта...

Но вот случилось как-то мне познакомиться с личным архивом одного из ветеранов спорта. Я увидел вырезку из какого-то старого издания с описанием одной боксерской схватки. На куче, с обтрепанными краями кусочке бумаги не сохранилось ни заголовка, ни пометки о названии издания или даты. По фамилиям же участников и перипетиям боев можно было понять, что это не что иное, как отрывок из отчета о боксерском турнире Всероссийской преолимпиады. Отчет об одном из тех полузабытых состязаний далекого и сурового времени, следы которых я так безуспешно пытался найти в старой периодике. Значит, в двадцатом году существовало все-таки издание, публиковавшее на своих страницах спортивные отчеты!

Однако если и существовало подобное уникальное издание, то какой мог быть от этого прок, раз оно не сохранилось ни в одном из самых богатейших библиотечных собраний! Но помог случай. Как-то в руки мне попала уже утратившая свое прежнее содержимое истрепанная бумажная обложка старого журнала «Спорт и жизнь». На внутренних сторонах ее, вероятно из экономии бумаги, был размещен текст, который был набран тем же так запомнившимся мне неуклюжим старомодным шрифтом — «новой гарнитурой», что и отчет о боксерском турнире.

Было это совершенно необъяснимо: хотя на журнальной обложке абсолютно четко обозначена дата — 20 февраля 1922 года, я читал там окончание того самого отчета о боксерских состязаниях двадцатого года, отрывок из которого встретился мне ранее. Опять загадка. Как же могло случиться, что отчет публиковался через два года после соревнования?

Стоит ли говорить, что на следующее же утро я был в Ленинской библиотеке и держал в руках тощую подшивку журнала «Спорт и жизнь» за 1922 год. С первой же страницы все стало ясным. Редактор, он же издатель, Вл. Сатинский писал:

«21-го сентября 1919 года вышел 27-й и последний номер журнала «Русский спорт», и с тех пор до настоящих дней спортсмены оставались без своего специального печатного органа, не

имея возможности поделиться друг с другом опытом, знаниями и сведениями в различных видах спорта и физической культуры, совершенно не зная даже, что делается хотя бы неподалеку, по соседству, и как раз именно в такой момент, когда занятия спортом были признаны делом государственной важности.

«Спорт и жизнь» считает своим долгом заполнить этот весьма существенный пробел по мере возможности теми или иными сведениями».

А дальше сразу же шла рубрика, забавно напомнившая слова старой бесшабашной песенки «То, что было...». Там журнал знакомил своих читателей с тем, что произошло в области спорта за последние два года как в России, так и за границей. Под этой рубрикой — поистине бесценные сообщения об отдельных состязаниях и первенствах столицы и Российской республики по футболу, боксу и тяжелой атлетике: имена победителей, результаты, установленные рекорды... 1921, 1920, 1919 годы! Самой большой для меня удачей стала крохотная, всего в тридцать строк, статейка «Матч москвичей с англичанами»:

«В Москву приехали депутаты английской Коммунистической партии. Двое из представителей — т.т. Маклин и Теппер оказались большими любителями английского бокса и решили испытать свои силы в состязании с русскими боксерами.

От Москвы на матч с англичанами согласились М. Петров и М. Г. Фомин, оба чемпионы Москвы; первый — веса «пера», второй — среднего веса.

Матчи состоялись в ОЛЛС». *Мак-Лейн, Тайнер*

Далее шло описание обеих встреч и стояла подпись: В. Ольшанник. Эту фамилию я хорошо знал. Владимир Ольшанник, отец которого преподавал бокс еще в конце прошлого века, участвовал в чемпионате страны 1922 года и был одним из первых соперников Константина Градополова.

Первый из серии сюрпризов

Итак, Теппер и Маклин. О первом из них я прежде никогда не слышал, но вот фамилия второго говорила многое. Неужели именно Джон Маклин был участником первой товарищеской международной встречи советских боксеров? Имя шотландского социалиста Джона Маклина было известно в молодой Советской России. Владимир Ильич Ленин в своих статьях и выступлениях много раз говорил о Маклине как об истинном революционере-интернационалисте,

Казалось бы, теперь, когда наконец найдено документальное подтверждение и установлены фамилии всех участников состязания, мои несколько затянувшиеся поиски можно было считать успешно законченными. Но, увы, так только казалось! Впереди меня еще ожидали самые невероятные сюрпризы.

Значит, первый в истории международный матч советских мастеров ринга произошел в 1920 году и проводился в дни конгресса Коминтерна и с участием его делегатов! Интереснейшие события, которые удалось установить, рисовались безупречно ясными. Но чем глубже погружался я в материал и раздумывал над ним, тем больше начинал сомневаться. Казалось странным, например, что ни один из авторов многочисленных мемуаров ни разу не упоминал о присутствии известного революционера Маклина в Москве на II конгрессе Коминтерна. «Английский большевик», как называл себя Маклин, был слишком значительной фигурой для того, чтобы его присутствие обошли молчанием. Похоже, что было здесь что-то не так...

Прежде всего требовалось точно выяснить, приезжал ли в те годы Маклин в Москву, а если нет, то установить, о ком из его однофамильцев или, может быть, родственников шла речь в статье Ольшаника. Задача казалась совсем несложной: загляну в список членов английской делегации на II конгрессе Коминтерна — и все станет ясным как день. Но вот тут-то и возникли непредвиденные осложнения. Дело было в том, что точного списка делегатов не оказалось.

Подлинные фамилии некоторых делегатов вообще не обнаружались из соображения их безопасности по возвращении на родину. Трудности проезда в блокированную Россию не позволили ряду участников прибыть к открытию конгресса, и они съезжались в течение всего времени его работы, что тоже отразилось на правильности их регистрации. К тому же единой английской делегации вообще не существовало, а были представители различных левых партий и организаций Великобритании.

Вот почему список англичан пришлось собирать буквально по кусочкам. В конце концов выяснилось, что ни Маклина, ни Теппера на конгрессе просто-напросто не было...

Забегая вперед, скажу, что с «Теппером» все оказалось значительно проще. Здесь была всего-навсего довольно обычная для типографской практики тех лет опечатка.

Речь шла о делегате Джеке Теннере, но наборщик вместо двух «н» поставил две буквы «п».

Когда я получил стенограмму заседаний конгресса, то сразу же обнаружил там целых три варианта записи интересовавшей меня фамилии: Теннер, Тэннер и Таннер. Но так как именно последний вариант принят в ленинском собрании сочинений, в своем дальнейшем рассказе я буду придерживаться именно его.

В той же самой стенограмме я встретил и фамилию Маклина. О нем говорилось как об одном из выступавших с трибуны конгресса. Этот момент стал решающим в моей работе, но несколько в ином смысле, чем вы готовы предположить.

Стоит упомянуть, что к этому времени я уже нашел в одной из недавно изданных книг категорическое утверждение о пребывании Джона Маклина в Москве в 1920 году: «В этом же году сбывается давняя мечта Маклина: побывать в Стране Советов, увидеть Ленина. Делегат II конгресса Коминтерна, он активно поддерживает ленинский курс на сближение компартий с революционным движением масс»¹.

Если бы вы только знали, как мне хотелось, чтобы так все и было!

И вот в стенограмме я обнаруживаю разницей в написании фамилии и второго английского делегата: Маклин, Маклен, Мак-Лейн... Но чем внимательней вчитываюсь, тем больше убеждаюсь, что сомнения-то были, пожалуй, совсем ненапрасными. С огорчением и все большей тревогой вижу, что моя первоначальная и, честно говоря, уж очень заманчивая версия о возможности участия Маклина в тех давних соревнованиях гибнет прямо-таки на глазах.

Я поднимаю все новые и новые документы, веря, что они-то уж неопровержимо докажут присутствие Маклина в Москве в 1920 году. Но каждый из них безжалостно подтверждал как раз обратное...

Речь действительно шла не о Джоне Маклине, а совсем о другом человеке. Но бывают же такие редчайшие совпадения! Этот английский делегат точно так же, как и Маклин, был шотландцем, тоже представлял левое крыло Британской социалистической партии и к тому же носил очень близкую по написанию и звучанию фамилию Мак-

¹ К. Горбачев, Е. Хабло. Почему так названы? Ленинград, 1967.

Лейн. Именно он, Уильям Мак-Лейн, а не Джон Маклин приезжал в Москву и принимал участие во II конгрессе Коммунистического интернационала. Он-то и стал участником интересовавшего меня боксерского матча в ОЛЛСе...

Мудрено ли, что этого «почти однофамильца» пресса ошибочно именовала Маклином, а иной раз даже путала с Джоном, который во время конгресса находился у себя дома, в Шотландии!..

Еще в годы первой мировой войны инженер Уильям Мак-Лейн и рабочий Джек Таннер, захваченный героической и самоотверженной борьбой передовой части британского пролетариата, присоединились к революционным силам страны. Принимали активное участие в этой борьбе и оказались в числе признанных рабочих лидеров. В качестве таковых они и были делегированы в Москву на II конгресс Коммунистического интернационала, собравший представителей почти всех революционных сил мира.

В числе тех торжественных, праздничных мероприятий, которыми встретила Москва мировой коммунистический конгресс, были и спортивные состязания. Стараниями неутомимого Н. И. Подвойского, возглавлявшего Всевобуч, была организована Всероссийская предолимпиада.

В один из воскресных дней, свободных от заседаний конгресса, состоялись и первые международные встречи советских спортсменов. Соперниками их стали молодые зарубежные делегаты Коминтерна.

Сборная Москвы провела футбольный матч со сборной Коминтерна и выиграла его. Об этом матче в свое время рассказала «Правда», и с тех пор о нем писалось уже не раз, а вот о боксерской встрече этого не скажешь.

Просматривая документы тех лет, нередко встречаешь тревожные высказывания специалистов о том, что многолетние невзгоды, недоедание, болезни грозят поставить молодежь в России на грань вырождения. В таких условиях физическая культура, спорт становились насущно необходимым средством оздоровления подрастающего поколения. Эти же средства широко и эффективно использовались для физической подготовки бойцов Красной Армии, воевавшей тогда на два фронта: против Врангеля и белополяков.

Пожалуй, уже одного вышесказанного было бы вполне достаточно, чтобы убедиться в необходимости спорта. Но даже и этим не ограничивалось тогда его значение. Наглядно опровергая старое спекулятивное утверждение,

якобы спорт стоит вне политики, именно в те годы спортивные площадки начинают превращаться в арену острейшей политической борьбы. В системе тех разнокалиберных барьеров, с помощью которых империалисты пытались изолировать молодую Советскую республику, занимали свое место и рогатки, преграждавшие любые связи с нашими спортсменами. В подобном бойкоте, как это ни странно, принимали активное участие люди, считавшие себя социал-демократами и возглавлявшие так называемый Люцернский спортивный интернационал. Пытаясь монополизировать международный рабочий спорт, они категорически запрещали состязания со спортсменами Советской России. Притягательная сила спорта спекулятивно использовалась ими для влияния на рабочую молодежь. Хочешь заниматься спортом, участвовать в официальных состязаниях и ездить на международные встречи за границу — повернись спиной к советским спортсменам.

Вот почему соратник Владимира Ильича Ленина старый большевик Н. И. Подвойский так ратовал за физическую культуру и считал необходимым создать Красный спортивный интернационал, в противовес ренегатскому Люцернскому. Вот почему его с полуслова поняли зарубежные коммунисты. И не только поняли, но и активно работали над созданием Спортивного интернационала и даже лично участвовали в первых, глубоко символических состязаниях со спортсменами Страны Советов. В состязаниях, заложивших первый камень в фундамент этого нового международного союза рабочих спортсменов. И когда читаешь о том, в какие восторженные и внушительные демонстрации дружбы превращались в двадцатые-тридцатые годы торжественные встречи с зарубежными рабочими наших спортивных полпредов, отчетливо видишь, что труды организаторов Красного спортивного интернационала отнюдь не пропали даром.

Спортивные полпреды Красной столицы

Как мы уже знаем, Мак-Лейн и Таннер были не только рабочими лидерами, но и «большими любителями английского бокса». Трудно ожидать, что эти боксеры-любители были в то время достаточно тренированными, но, как истинные спортсмены, они тем не менее заявили о желании состязаться со своими московскими коллегами. Их не смущало даже то, что противостоять им будут чемпионы Крас-

ной столицы. Встреча вообще мыслилась только на этом уровне — сильнейших (вспомним футбольное состязание).

Разумеется, реальные технические возможности таких соревнований объяснялись довольно невысоким уровнем любительского спорта тех лет вообще и нашего в особенности. Советский спорт делал еще свои первые шаги.

Бокс в России начал культивироваться недавно, в то время как «патриархи» ринга — англичане располагали устойчивыми уже традициями и сложившейся весьма авторитетной школой в этом виде спорта. Мак-Лейн и Таннер едва ли ожидали встретить на ринге России сопротивление более сильное, чем на средних любительских состязаниях у себя дома. Но московские боксеры-олелесовцы к предстоящим встречам отнеслись очень серьезно. Накануне все вместе, во главе с Никифоровым, вырабатывали тактические варианты схваток. Это не трудно понять: ведь предстоящий матч был первой международной встречей в России, пусть даже и неофициальной.

На ринг летней спортивной площадки в Сокольниках первыми поднялись выступавшие в весе «пера» Уильям Мак-Лейн и курсант Главной военной школы физобразования Михаил Петров. Формула боя была установлена в четыре раунда по три минуты. Сейчас нам едва ли удастся даже представить, каким ответственным и волнующим испытанием должен был стать этот бой с настоящим английским боксером для девятнадцатилетнего чемпиона Москвы, имевшего всего лишь годичный боксерский стаж. Англичанин был значительно старше его и, конечно, располагал большим опытом. Но Петров, несмотря ни на что, с первого же раунда настроился на бескомпромиссную схватку, и его превосходство определилось в этом же начальном раунде. Ему удается успешно избегать ударов Мак-Лейна и результативно атаковать самому. Уильям смело противостоял своему молодому напористому партнеру, но бой тем не менее со значительным преимуществом выиграл Михаил Петров.

Сообщая о победе курсанта в журнале «Спорт и жизнь». Оlyphаник очень высоко оценивал его боксерский талант и утверждал, что «бесспорно, М. Петров в будущем будет защищать не только интересы Москвы, но и России в области бокса». (Пророчество оправдалось только наполовину. Петров действительно считался наиболее сильным в своем весе, но прежде, чем советские боксеры получили возможность провести следующую международную встре-

чу, должно было пройти целых пять лет, а к тому времени он уже успел сойти с ринга.)

Это первое, успешно выдержанное испытание показало, что класс московских боксеров выше, чем можно было предполагать. Поэтому следующий бой — Джека Таннера с Михаилом Фоминым был показательным. «Демонстрация бокса — Фомин — Таннер доставила зрителям не менее увлекательное зрелище, чем матч Петров — Мак-Лейн. Таким образом, крещение московских боксеров совершилось», — отметил Ольшанник.

Да, это в самом деле было настоящим боевым крещением. Самым первым шагом в международный спорт, шагом к тем высочайшим успехам, которых добились советские спортсмены сегодня.

В последующие годы наши боксеры регулярно встречались на ринге со своими зарубежными коллегами, рабочими-спортсменами, объединившимися в Красный спортинтерн. А положил начало этой обширной серии товарищеских состязаний именно тот давний матч в дни конгресса Коминтерна.

Кто же были те московские атлеты, которым доверили защищать честь советского спорта в том знаменательном, самом первом раунде нашего бокса на международном ринге? Они заслуживают того, чтобы рассказать о них подробно. Я изучаю биографии Петрова и Фомина и вновь вспоминаю старую-престарую истину: любая подлинная доблесть, в том числе и спортивная, — это только та, что прочно смыкается с доблестью гражданской! Судите сами...

Когда совершилась революция, сын военного музыканта Михаил Петров учился в последнем классе Московского кадетского корпуса. Известно, что кадеты-старшеклассники, так же как юнкера, были в свое время надежным резервом белой армии. Мальчишески восторженное восприятие старых военных традиций, политическая и просто психологическая незрелость делали здесь свое дело. Вопреки этому, совсем еще «зеленый» кадет Петров показал способность мыслить вполне самостоятельно. Именно тогда, в бурное революционное время, когда даже иным взрослым было совсем нелегко разобраться в пестрой политической чересполосице, он сумел сделать правильный выбор. Отвергнув кривые дорожки своих бывших одноклассников, Михаил решительно стал на сторону революции. В 1919 году надел красноармейскую шинель и целых 50 лет, до конца своих дней, верно служил Родине.

Не знаю, обратили ли вы внимание, что Ольшанник в своей статье не совсем одинаково представляет читателям московских боксеров. Он пишет: «М. Петров», а говоря о Фомине, считает необходимым проставить инициалы полностью. Это не случайная опечатка, а довольно многозначительная деталь. Если Петров был примерно ровесником Ольшанника, то успевший уже пройти две войны Михаил Григорьевич Фомин был старше их обоих на добрый десяток лет. Он и в спорт пришел еще в 1913 году и стал одним из лучших легкоатлетов ОЛЛСа, чемпионом Москвы по прыжкам в высоту и с шестом. А в канун первой мировой войны в спортивном журнале можно было прочитать: «В Обществе любителей лыжного спорта помимо занятий борьбой и тяжелой атлетикой в последнее время введены занятия боксом. Некоторые члены ОЛЛСа обладают очень богатыми данными в этой области спорта и при желании могут выработать из себя недурных бойцов. В первую голову следует отметить Осипова, Молоканова и Фомина».

Зловещее лето 1914 года предуготовило этим пионерам московского ринга совсем иную арену — арену жестокой войны. Когда же старая армия прекратила свое существование, поручик-фронтвик Фомин стал одним из командиров созданного в 1918 году Первого Оршанского красногвардейского отряда. Фронтвые дороги привели его в боевую группу Г. К. Петрова, одного из 26 трагически погибших Бакинских комиссаров, и Фомин стал участником драматических событий, развернувшихся тогда в Азербайджане. Вместе со своими однополчанами, преданными эсеро-меньшевистскими националистами, он морем пробрался из Баку в Астрахань как раз в тот момент, когда город со всех сторон был окружен белыми. О жизни этого незаурядного человека, пожалуй, можно было написать интереснейшую книгу.

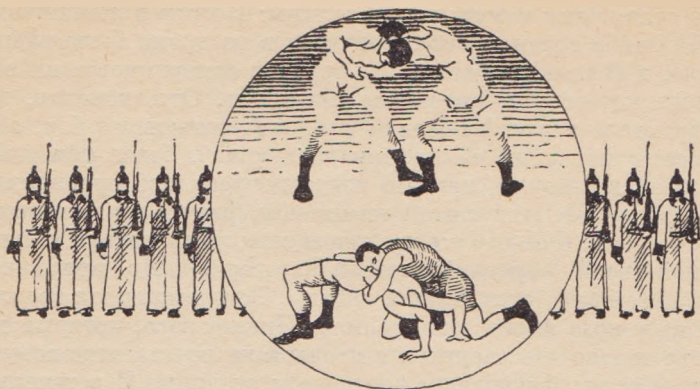
В 1919 году два Михаила — Фомин и Петров — встречаются в Москве. С той поры судьбы этих столь различных людей — недоучившегося кадета и бывалого боевого командира — складываются почти одинаково. Тезки становятся курсантами Отдела физвоспитания при Военно-педагогическом институте, где комиссаром был П. В. Никифоров.

В те годы еще функционировали дореволюционные спортобщества. И вот на сокольническую площадку ОЛЛСа, улучив свободную минутку, регулярно приходят и ветеран этого общества Фомин, и молодой начинающий спортсмен Петров. Они самозабвенно увлечены боксом, и

оба становятся чемпионами столицы: Петров в легчайшем, а Фомин в среднем весе. Боксеров в то время было очень мало, и звания достались без борьбы: соперников в их весовых категориях просто не оказалось. Это, конечно, не устраивало тезок. Не желая получать звания без боя, оба бросают перчатку чемпионам следующей, более тяжелой, весовой категории, как это тогда допускалось правилами. В результате Петров стал чемпионом сразу в двух весовых категориях. Фомину же пришлось довольствоваться только одной своей — средней весовой категорией. Но, право же, его поражение стоило иной победы. Ведь оспаривал звание он не у кого иного, как у самого Никифорова, который до этого только что свергнул с пьедестала почета тяжеловеса и уже стал абсолютным чемпионом столицы. И в течение еще нескольких лет Петров и Фомин продолжают оставаться первыми перчатками страны в своих весовых категориях.

Оба чемпиона настойчиво учатся и получают высшее образование: Петров становится военным врачом, Фомин — инженером-строителем. В июне 1941 года коммунисты Петров и Фомин снова под боевыми знаменами Красной Армии. Имевший уже немало учеников, преподаватель Военно-медицинской академии Михаил Николаевич Петров в разрушенном Севастополе, под жесточайшим обстрелом добирался по-пластунски к раненым, оказывая им первую помощь. Под Прагой закончил свой боевой путь инженер-подполковник Фомин.

Вот кем были спортсмены, представлявшие Советскую Россию в том далеком памятном матче. Участники состязания с англичанами подбирались, разумеется, исходя исключительно из их спортивных достижений. Но то, что спортивными полпредами Красной столицы стали два советских патриота, два убежденных большевика, верно разделявших с Родиной все ее невзгоды, представляется вовсе не случайностью. Это полная глубокого смысла закономерность тех бурных и героических лет рождения советского спорта.

«На днях в Москве, на Воробьевых горах, большие группы молодых большевиков, среди которых были участники проходящего в новой столице России II конгресса Коминтерна, собрались для того, чтобы начать строить Красный стадион. Напрасная затея! Ну кому нужен стадион в разрушенной, погибающей от хаоса, изнуренной голодом стране? Нет, еще долго будет бедной России не до спорта».

Что ж, господа из парижской газеты «Фигаро», напечатавшей в августе 1920 года это мрачное пророчество, были правы в одном. Еще никогда Россия не переживала таких величайших трудностей, но разве знал французский журналист, а если бы даже знал, то разве смог понять и, главное, поверить, что именно в те невероятно тяжелые послереволюционные годы спорт в нашей стране твердо становился на путь, закономерно приведший его к сегодняшним высочайшим завоеваниям. Отнюдь не из соображений хронологического удобства разделяем мы историю отечественного спорта на дореволюционный и советский периоды: это два качественно отличных этапа развития. После победы революции физическая культура в числе множества прочих благ стала достоянием всего народа.

На единичных состязаниях, которые энтузиасты умудрялись устраивать и в 1918, и 1919 военных годах, выступали те же спортсмены, что и до революции. Их стало даже значительно меньше: многие ушли на фронт. И все-таки уже в те суровые времена прочно закладывались основы будущих успехов нашего спорта — основы его всенародной массовости. Пусть предстояло еще очень многое сделать, но даже всего через несколько лет незадачливый пророк из «Фигаро» уже станет свидетелем настоящего триумфа спортсмена из Страны Советов. На парижском стадионе чемпион СССР Анатолий Решетников в соревнованиях по метанию копья превзойдет на три метра национальный рекорд Франции, страны, являвшейся тогда одной из великих спортивных держав...

ВСЕРОССИЙСКАЯ ПРЕДОЛИМПИАДА — ДАЛЕКИЙ ПРООБРАЗ НАШИХ СПАРТАКИАД

Когда деятели Люцернского спортивного интернационала, называвшего себя международным рабочим спортивным объединением, отказали в приеме молодой Советской России, они демагогически заявили: «У вас нет рабочих-спортсменов, у вас только Красная Армия». Советский спорт волею нелегких обстоятельств действительно родился в военной гимнастике. Но люцернские ренегаты упрямо делали вид, будто они не знают, почему рабочие нашей страны вынуждены взять в руки оружие...

На фронтах гражданской войны уже гремели первые яростные сражения. Будущее Советской России решали теперь те новые воинские части, которые можно было двинуть против наседавших со всех сторон белогвардейцев и интервентов. Именно в то время, весной 1918 года, по инициативе Ленина и был организован Всевобуч, который вскоре возглавил Николай Ильич Подвойский. Всеобщее военное обучение, обеспечивая подготовку необходимых Красной Армии резервов, сыграло немалую роль в победе над врагами. Но вместе с тем Всевобучу суждено было стать и колыбелью советского спорта. Физической подготовке будущих красноармейцев уделялось серьезное внимание, а спорт в этом деле был поистине незаменимым помощником. И Всевобуч, осуществлявший допризывную военную подготовку, стал также ведать вопросами спорта в масштабах всей страны.

В самый разгар гражданской войны была создана система курсов инструкторов спорта и допризывной подготовки в Петрограде, Москве и губернских городах. Но дать всем этим курсам полноценный преподавательский состав было в те годы совсем не простой задачей, и чтобы со временем разрешить ее, организуется также Главная военная школа физического образования трудящихся — высшее учебное заведение, готовившее спортивных специалистов для армии и Всевобуча. Если в царской России, даже в самые благоприятные для нее годы, крайне малочисленные тренеры почти сплошь были практиками-самоучками, то теперь в молодой Советской республике, которая вела смертельную борьбу на несколько фронтов, многие сотни курсантов получали глубокие знания и становились не только инструкторами, но и квалифицированными преподавателями. Все эти военно-спортивные учебные заведения сыграли огромную роль в развитии физической культуры в стране, дав первое поколение советских спортсменов и тренеров.

Как и все военнотружущие тех лет, курсанты носили плохонькие, «подбитые ветром» шинели с красными нашивками на груди и остроконечные шлемы. Перелистывая сегодня архивные материалы школы, то и дело встречаешь: «Рапорт: на занятиях отсутствуют курсанты такие-то. Больны брюшным тифом... Больны инфлюэнцой...»

Время было героическим и для спортсменов. Трудно даже понять, откуда черпали эти полуголодные парни силы для спорта! А они занимались им азартно, увлеченно, не через «не хочу», а с подлинным энтузиазмом. Программа обучения была обширной, даже в наше время она не показалась бы обедненной. За два года предусматривалось изучить многие дисциплины: от физиологии и истории физической культуры до практического ознакомления с добрым десятком видов спорта.

Но и это было не все. В Петрограде уже с 1919 года начал работать первый в стране институт физической культуры, созданный на базе дореволюционных Высших курсов П. Ф. Лесгафта, чье имя ему и было присвоено. Через год появляется второй — Московский институт, которому ленинским декретом был дан статут высшего учебного заведения.

Вот почему уже в том самом военном 1920 году, когда «Фигаро», черпавшая информацию из мутных антисоветских источников, предрекала беспросветное будущее советскому спорту, число спортсменов в стране достигло ста

сорока трех тысяч и уже более чем втрое превышало количество любителей спорта в дореволюционной России. Год этот являлся олимпийским, и в июле в бельгийском городе Антверпене был поднят флаг VII Олимпиады. На нем впервые появились неразрывно переплетенные разноцветные олимпийские кольца, олицетворявшие единение спортсменов всех континентов. Однако, вопреки этому высокому символу, чиновные деятели Международного олимпийского комитета того времени, которые вплоть до 1933 года умудрялись считать представителем России белого эмигранта князя Урусова, поспешили внести свой вклад в отнюдь не благородное дело изоляции первого в мире социалистического государства. Советская Россия, разумеется, не получила приглашения принять участие в Олимпийских играх.

И вот тогда, в том самом олимпийском тысяча девятьсот двадцатом, Всевобуч решает организовать в Москве крупнейшие спортивные состязания — Всероссийскую олимпиаду. Спортсмены встретили это решение с радостью. В губерниях Российской Федерации были проведены отборочные соревнования и скомплектованы сборные команды.

В середине июля одна из центральных газет поместила коротенькое сообщение: «В связи с предполагаемой в августе Всероссийской олимпиадой при Главном управлении Всевобуча образована комиссия по организации Всероссийской олимпиады. Агитация будет вестись путем печатной и устной пропаганды. Декорирование площадок, сборных пунктов и улиц шествия участников Олимпиады предполагается поручить известным художникам г. Москвы. На площадках будут устроены световые рекламы с лозунгами и сообщениями о результатах состязания».

Попробуйте осознать это! Голодный военный двадцатый год — и вдруг участие известных художников в пропаганде спорта, даже «световые рекламы с сообщениями о результатах состязания». Однако осуществить эти замечательные планы так и не довелось. В том же июле, незадолго до открытия, трудности военного времени заставили все-таки отказаться от проведения первых общегосударственных спортивных состязаний. Решение это было внезапным. Ветеран уральского спорта Ю. А. Полянин рассказывал, что пермские спортсмены уже погрузились было в теплушки, собираясь ехать в столицу, когда пришла телеграмма об отмене Всероссийской олимпиады. Немудрено, что при этих условиях ряд губернских спортивных делегаций успел прибыть к месту соревнования. Ведь график движения по-

ездов был тогда вещью сугубо неопределенной, поэтому выезжать всегда старались загодя.

Москва жила суровой, напряженной жизнью военной столицы. Это сразу бросилось в глаза приезжим спортсменам. Разбитые витрины бывших магазинов на Тверской были наглухо заколочены фанерой. За мизерным хлебным пайком стояли длинные хвосты очередей. Почти из каждого окна в жилых домах высовывались жестяные трубы небольших железных печурок, как их в шутку называли «буржук», — единственного в те времена средства для обогрева и приготовления пищи. Встречались и вовсе необитаемые дома, зияющие пустыми дверными и оконными проемами. Все, что было в них деревянным, уже давно употребили на топливо... А рядом со всем этим — кумачовые лозунги и яркие боевые плакаты, зовущие на борьбу с Врангелем и белополяками.

Именно в те июльские дни должно было начаться в Кремле заседание II конгресса Коминтерна. Борьбу за освобождение зарубежных братьев по классу московские рабочие считали своим кровным делом. Вот почему, вопреки всем трудностям, обстановка, в которой начинал работу Конгресс, была торжественно-праздничной, насыщенной высоким революционным пафосом, столь характерным для тех легендарных лет. Ничто не могло помешать Красной столице оставаться признанным центром мирового революционного движения!

День встречи с иностранными делегатами превратился в настоящее общенародное торжество. По Красной площади в парадном марше прошли части Красной Армии, овеянные славой героических сражений гражданской войны. А вдоль стен Кремля можно было видеть трофейные винтовки самых разных систем, пулеметы, орудия и даже танки, отбитые в боях солдатами революции у разномастных врагов Советской власти.

Сразу же после военного парада началась многолюдная рабочая демонстрация. Дорогим гостям от имени московского пролетариата было преподнесено Красное знамя. Московский городской совет посвятил проведению праздничных торжеств специальное постановление. Седьмой пункт этого постановления говорил: «...Устроить спортивное празднество, организацию которого поручить Всеобучу...» Вот так и случилось, что состязания, каким, казалось бы, уже не суждено было состояться, получили благодаря всемирному коммунистическому форуму право на жизнь.

Всеобуч к проведению подобных соревнований был уже давно готов, и его Главное управление немедленно объявило о решении «устроить в Москве междугородные спортивные состязания в честь II конгресса Третьего Коммунистического интернационала с участием прибывших в Москву представителей нескольких провинциальных городов». При этом планы проведения в будущем Всероссийской олимпиады по-прежнему оставались в силе, поэтому «междугородные состязания» получили название Всероссийской преолимпиады, чем подчеркивался их предваряющий характер.

Исторические эти спортивные соревнования более чем полувековой давности представляются нам сегодня уже довольно-таки туманно. Происходившие одновременно с Преолимпиадой бурные политические события в жизни нашей страны, естественно, заслонили память о ней. Да и печатная информация о состязаниях слишком скромна, труднодоступна. И оказалось, в конце концов, что, кроме названия, почти никакими иными сведениями о Преолимпиаде мы не располагаем.

Те, кому доводилось писать о легкой атлетике, нередко считали эти давние соревнования посвященными только «королеве спорта». В материалах же по тяжелой атлетике можно встретить утверждение, что на Преолимпиаде состязались только борцы, штангисты и боксеры... Между тем Всероссийская преолимпиада была первым в истории советского физкультурного движения крупным комплексным состязанием по всем основным видам спорта, культивировавшимся в стране в то время. Далеким прообразом нынешних наших грандиозных Спартакиад!

Общество любителей лыжного спорта предоставило свою спортивную площадку в Сокольниках баскетболистам и легкоатлетам, которые соперничали в тринадцати видах. При этом легкоатлеты-новички состязались совершенно обособленно от опытных спортсменов. На поле Московского ипподрома, кроме традиционных конных соревнований, проходили массовые выступления гимнастов, фехтовальщиков, состязания по перетягиванию каната, соревнования велосипедистов и даже «моторные заезды для машин до трех с половиной лошадиных сил и для машин свыше трех с половиной лошадиных сил». Зрители, собравшиеся на трибунах Московского пролетарского речного яхт-клуба на Воробьевых горах, стали свидетелями упорной борьбы в десяти различных видах водного спорта. Специально были

предусмотрены там и состязания в гребле для допризывников...

Я всегда был уверен, что любители футбола — это именно те счастливцы, которые знают о своем «предмете» буквально всю подноготную. Но вот представьте себе, что даже самым изоциренным знатокам о футбольном турнире Преодолимпиады известно ничего не было. А ведь шли тогда и бурные футбольные баталии на полях Сокольнического клуба спорта на бывшей Стромьнке и Замоскворецкого клуба спорта близ Нескучного сада! Самарская команда победила смольчан и встретилась в финале с сильной командой столичных футболистов. Москвичи обыграли своих соперников со счетом 10 : 0!

Что же касается представителей тяжелоатлетических видов спорта — борьбы, штанги и бокса, — то к их услугам было предоставлено помещение Второго госцирка (нынешнее здание Театра сатиры на площади Маяковского). На штангистском помосте блистали тогда тяжеловес Ян Спарре и Александр Бухаров — «маленький Геркулес».

А среди героев борцовского ковра совершенно неожиданно в центре общего внимания оказался никому не известный прежде самарский богатырь Михаил Боров. Мордвин по национальности, боец интернационального полка Красной Армии, к спорту он приобщился во Всевобуче, где сразу же обратили внимание на его огромную силу. (Недаром, приняв участие еще и в состязаниях по поднятию тяжестей, Боров занял в тяжелом весе почетное второе место, уступив только Спарре). Никто из его соперников на борцовском ковре так и не смог остановить победное шествие самарского спортсмена к чемпионскому званию. Его земляк и товарищ по команде боксер и борец К. Ф. Никитин вспоминает о Борове в своих мемуарах: «Удивительно легко расправлялся он со своими противниками. Побеждал на первых же минутах. Стиль его борьбы сильно отличался от обычной общепринятой техники. Он боролся как-то очень самобытно. Порой даже непонятно было, как он может уложить противника на лопатки из совершенно, казалось бы, невыгодного положения. Помнится такой случай. Миша сбил противника на ковер, а когда тот стоял на четвереньках, атаковал его со стороны головы. Схватил сверху за плеч, оторвал от ковра и начал кружить. Само положение рук в захвате было необычным. Как он удерживал соперника, не поддается объяснению. Казалось, достаточно тому сделать ногами рывок, чтобы немед-

ленно освободиться. Но не тут-то было. От центробежной силы при вращении противник вытянулся в воздухе, как доска. После четырех или пяти оборотов Боров начал поворачивать противника лопатками вниз и, не прекращая вращения, опустил спиной на ковер».

«Французская» (классическая) борьба в те годы еще сохраняла свою былую популярность, и в цирке собиралось множество зрителей, восторженно приветствовавших победителей во всех пяти существовавших тогда весовых категориях. Дань увлечению борьбой отдавал и боксер Михаил Фомин. Он принял участие в состязаниях по борьбе, успешно провел все схватки и стал чемпионом Преодолимпиады в среднем весе. Его успех повторили легковес Константин Квашнин и полутяжеловес Ткаченко — оба курсанты Главной школы физического образования.

Боксерский турнир Преодолимпиады стал наиболее крупным и значительным состязанием мастеров ринга в первые годы Советской власти. Он был не менее представительным, чем дореволюционные первенства страны, и, по существу, сам являлся фактическим чемпионатом Советской России по этому виду спорта. В турнире участвовали отдельные представители четырех или пяти провинциальных городов и команда столичных боксеров. Московский бокс тех лет почти монополично представляла школа Павла Никифорова, бывшего легкоатлета ОЛЛСа, в свое время увлекшегося боксом и дважды завоевывавшего звание чемпиона России. Он был, пожалуй, единственным из тренеров, того времени, сумевшим заинтересовать этим мужественным видом единоборства большую группу способной молодежи. С 1916 года вместе со своим прославившимся наставником чемпионские медали начали получать и его юные воспитанники. В двух последних предреволюционных первенствах России они в командном зачете уже уверенно обошли опытных петроградцев и успели закрепить за собой лидерство в этом виде спорта.

На Преодолимпиаде ученики Никифорова — курсанты Главной военной школы — считались фаворитами. Противостояла же им не слишком многочисленная «сборная провинциальных городов». Почти в каждом весе соперничали всего лишь два участника.

Хотя правила тех лет предусматривали восемь весовых категорий, в столичной команде было только семь боксеров. В самом легком весе — «мухи» — состязания на Преодолимпиаде не проводились из-за отсутствия боксеров в

этой категории. «Мухачи» уже давно были дефицитнее тяжеловесов. За все шесть предшествовавших чемпионатов страны первенство в этом редком весе было разыграно всего лишь раз. При этом сказать «разыграно» — значит невольно допустить преувеличение, так как один-единственный участник получил тогда чемпионскую медаль без боя.

Среди Никифоровских учеников послереволюционных лет тоже был всего лишь один «мухач» — уже знакомый нам Михаил Петров, но к июлю двадцатого года он успел подрасти, окрепнуть и уже перешел в следующий — легчайший вес, в котором и выступал на Преодолимпиаде. Единственным его соперником стал ярославский спортсмен Добычин, с успехом участвовавший также в состязаниях легкоатлетов и завоевавший даже звание чемпиона в беге на 10 000 метров. В четырехраундной схватке — а формула боя была именно такой — лучшим оказался Михаил Петров.

В весе «пера» москвич Рождественский встретился с Ярославским. (Какой город представлял Ярославский, установить не удалось. В журнале «Спорт и жизнь» рядом с его фамилией вместо названия города стоит пометка «неизвестен».) Глеб Рождественский добился победы в этом бою по очкам.

Над столичным легковесом Иваном Гагулиным товарищи подтрунивали, говоря, что чемпионский жетон достался ему слишком уж легко и быстро. В первом же раунде Гагулин случайно поскользнулся и упал, но смольчанин Рутковский, не рассчитав, нанес ему в это время полновесный удар и был немедленно дисквалифицирован.

Стать лучшим боксером Всероссийской преодоллимпиады из провинциальных атлетов удалось только одному Константину Никитину — девятнадцатилетнему самарскому комсомольцу, бывшему рабочему военного завода, год назад вступившему добровольцем в Красную Армию. Разносторонний и способный спортсмен, он, будучи боксером полусреднего веса, сумел стать абсолютным чемпионом своего родного города. Константин, обладая неукротимым бойцовским характером, владел очень сильным для своего веса ударом. Не случайно удалось ему еще в течение шести лет оставаться сильнейшим полусредневесом страны.

Вторая, после Никифорова, перчатка страны в среднем весе Михаил Фомин оказался в своей весовой категории единственным участником и стал чемпионом без боя. Там, где «царствовал» Никифоров, претенденты уже давно пред-

почитали не появляться. Но прославленный мастер ринга, как это он обычно делал в поисках сильнейших противников, выступал и на этот раз в более тяжелой весовой категории. В полутяжелом весе разгорелись самые интересные и драматические поединки турнира. Хотя москвичи и считались фаворитами, сенсационным стало выступление мало кому известного полутяжеловеса из небольшого города Бежецка работника Всеобуча Алексея Анкудинова. В тех немногих случаях, когда об этом боксере упоминают на страницах спортивной литературы, его обычно преподносят как бывшего кулачного бойца, обладавшего феноменальной нечувствительностью к ударам. Правдой здесь является только удивительная способность Анкудинова «держат удар».

Но кулачным бойцом Анкудинов никогда не был, а с боксом познакомился в немецком плену. Оказался в 1916 году в одном лагере с пленными англичанами, увидел, как те боксируют, и загорелся: «А я смогу против них выстоять?» И смог. Выстоял против боксеров-любителей и даже против профессионала, хотя били его беспощадно и с полным знанием дела. Вот кем был этот бородатый, среднего роста здоровяк, вышедший на ринг Преодолимпиады с медным нательным крестиком и в самодельных, сплетенных из веревок тапочках (крест, впрочем, ему тут же предложили снять, объяснив, что в снаряжении боксера не должно быть никаких металлических предметов).

В противоположном углу ринга его уже ожидал соперник — Алексей Лебедев, прошедший неплохую выучку у Никифорова, который в этом матче секундировал ему. Атлетически сложенный и техничный столичный полутяжеловес ростом был выше Анкудинова и имел преимущество в длине рук. Обладал он мощным ударом, благодаря которому стал впоследствии грозным нокаутером, сильнейшим из советских боксеров.

С первых же секунд начального раунда бой сложился явно не в пользу провинциального боксера. Не получая ударов сам, Лебедев непрерывно атаковал своего не уменшего защищаться противника. От таранной силы прямых ударов с обеих рук Анкудинов то и дело запрокидывал голову или дергал ею из стороны в сторону. Его бросало то вправо, то влево, но бородач не упал ни разу и сдаваться вовсе не собирался. В наше время подобную схватку, разумеется, прекратили бы уже в первом раунде, но пятьдесят пять лет назад на ринге господствовали иные традиции.

Когда гонг отметил начало заключительного раунда, Лебедев, поднимаясь с табурета, уверенно бросил Никифорову: «Сейчас нокаутирую!», «Осторожно, Леша! Он все время «заряжен» на правую!» — крикнул ему вслед искушенный секундант.

Начало этого раунда ничем не отличалось от предыдущих. Лебедев уверенно наступал, хотя, пожалуй, истекшие раунды, в течение которых он непрерывно бил, уже успели утомить его. Атаки москвича стали не столь стремительны и более заметны. А когда одна из них только еще зарождалась, Анкудинов послал вдруг навстречу сопернику сокрушительный крюк справа в челюсть. И, наверное, как раз в эти доли секунды, когда ошеломленный москвич оказался в «грогги», особенно явственно обнаружилось боевые качества бежецкого боксера. Не промедлив ни мгновения, он тотчас добавил еще несколько мощных ударов в голову противника, который оказался в нокауте.

Неумелый провинциальный боксер, всего минуту назад вызывавший лишь насмешки или, в лучшем случае, жалость присутствующих, сразу же превратился в знаменитость. Однако счастливому победителю предстояло теперь встретиться с самим Никифоровым. Но Анкудинова не испугал даже такой грозный соперник. Средневес Никифоров хотя и уступал ему несколько в весе, но был самый искусный мастер, крупнейший авторитет ринга и фактический абсолютный чемпион страны тех лет.

Их поединок, состоявшийся в тот же день, стал точным повторением первых раундов боя с Лебедевым, однако в худшем для строптивного новичка варианте.

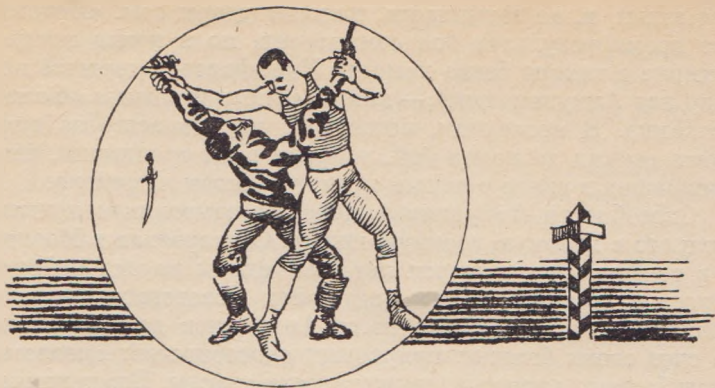
Анкудиновская нечувствительность к ударам породит даже впоследствии легенду, что его якобы ни разу не удалось сбить на пол. В действительности существовал все-таки один-единственный такой бой, когда и ему отсчитывали нокдаун. И был это тот самый первый поединок с Никифоровым. Легко и стремительно передвигаясь по рингу, чемпион оставался вне досягаемости для тяжелых ударов противника и в то же время, неожиданно сближаясь с ним, бил точно и сильно. Прямыми в голову и еще своим коронным ударом левши, коротким боковым в солнечное сплетение. Во втором раунде Анкудинов от сокрушительного удара в челюсть падает на пол, но упрямо поднимается, чтобы продолжить бой. В следующей трехминутке он, видя, что попасть в чемпиона ему трудно, пытается вести бой удар за удар. Использует моменты, когда Никифоров сближается

для атаки, и, не защищаясь, наносит удары сам. «Некоторое время результат боя сомнителен, но в конце концов техника и знание бокса помогли Никифорову одержать победу над Анкудиновым», — пишет «Спорт и жизнь» об этом поединке. В последнем, четвертом, раунде всего за тридцать секунд до конца бой, вопреки всем традициям, был прекращен в связи с явным преимуществом чемпиона.

Способности Анкудинова, конечно, заметили и пригласили его в Главную военную школу. Он переехал в Москву и в течение целых шести лет был одним из сильнейших боксеров страны, первым чемпионом Советского Союза в полутяжелом весе. Всего этого Анкудинов достиг только за счет своих богатых природных способностей: смелости, негнбаемого упорства, выносливости и силы. Его техническая подготовка всегда оставляла желать много лучшего. Этот спортсмен обладал редкими боксерскими данными, которых при рациональной и упорной тренировке, думается, вполне могло бы хватить для больших успехов. Беда была в том, что Анкудинов никогда не уделял должного внимания боксерской подготовке, почти не тренировался. Как нередко бывало с иными русскими самородками, к своим способностям относился с полным безразличием.

На Преодолимпиаде разобщенные долгими годами войны российские спортсмены получили, наконец, возможность помериться друг с другом силами. И эти соревнования стали для них настоящим праздником. Пусть их «усиленным» питанием во время состязаний был лишь ломоть черного хлеба и кусок воблы. Пусть к месту соревнований они зачастую добирались из одного конца Москвы в другой «на своих двоих» — ничто не могло повлиять на их бодрость и отличное настроение.

Славное поколение, которое росло и мужало вместе со своей молодой республикой! Какое необычайно бурное время выпало на долю этих людей! Какие великие и грозные события за добрых полвека стали испытанием их мужества и верности своей Советской стране, которая так широко и щедро распахнула перед парнями из народа все двери в настоящую, большую жизнь! Каждый из них получил возможность стать хозяином своей судьбы.

Когда Исао Окано вышел на татами, десять тысяч зрителей устроили ему настоящую овацию. Это было не удивительно. Ведь у Окано целая коллекция высших спортивных титулов: абсолютный чемпион Японии, чемпион олимпийских игр, чемпион мира. Он стоял напротив Бориса Мищенко очень спокойный, не сомневающийся в успехе.

Едва прозвучала команда судьи к началу схватки, как Окано начал легко и стремительно кружить вокруг Мищенко. Невысокий, с необъятно широкими плечами, он держался прямо, настороженно выставив вперед готовые к захвату большие короткопалые руки. Выбрав момент, мгновенно захватил борта кимоно Мищенко, и тот почувствовал в хватке Окано такую мощь, которая даже не снится простакам, верящим, что в дзю-до не нужна физическая сила.

Осуществляя свой тактический замысел, Окано стал отходить к углу татами, увлекая за собой Мищенко. И тогда чутьем, без которого просто немислим большой мастер борцовского ковра, Борис понял, что именно сейчас, в это мгновение необходимо провести прием. Он тотчас опустился на татами, подбив ногу соперника и увлекая его за собой. В ту долю секунды, когда, потеряв равновесие, японец падал, Мищенко, действуя только ногами, успел перевернуть его в воздухе так, что тот упал на спину, а его рука оказалась крепко зажатой между бедрами Бориса. Перегибая руку в локте, Мищенко провел болевой прием. Помешала ли Окано гордость или просто все произошло ошеломляюще быстро, но чемпион мира не произнес рокового слова «сдаюсь», он только громко вскрикнул от боли, и Мищенко тотчас отпустил его руку...

Объективные японские болельщики по достоинству оценили эту красивую победу на двадцатой секунде схватки и бурно приветствовали советского борца. Между тем основным спортивным профилем Бориса Мищенко являлось вовсе не дзю-до. Он был двукратным чемпионом Советского Союза по борьбе самбо...

СИСТЕМА «САМ»

Когда говорят о послевоенной разрухе начала двадцатых годов, представляют полузатопленные шахты, поросшие травой заводские дворы; искалеченные, ржавеющие в гупиках паровозы. Но наследие шести тяжких военных лет этим вовсе не исчерпывалось. Война калечила не только железо. Еще никогда в стране не было такого количества профессиональных преступников. Щедро раскиданное войной оружие оседало в их руках.

Хорошо вооруженные, спаянные угрожающим, густо замешанным на крови авторитетом главаря, банды тех лет представляли очень большую опасность. И все же куда как опаснее уголовников были преступники политические. Убежденные и непримиримые враги власти трудящихся, укрывшись в глубоком подполье, ни на минуту не прекращали активной борьбы против Советской республики. Один за другим возникали в те годы контрреволюционные заговоры разномастных антисоветчиков — от махровых верноподданных монархистов до так называемых левых социалистов-революционеров. Все они, конечно же, получали щедрую помощь из-за рубежа.

Просто невероятным кажется нам теперь, что не имевшие специальных познаний и даже достаточного практического опыта чекисты и милиционеры смогли обуздать всю эту свору. Но это было так. Борьба велась отчаянная и беспощадная, она затянулась на несколько лет. И сколько раз оперативным работникам приходилось слышать короткий, всего в два слова, приказ: «Взять живым!»

Взять живым... А «брат» приходилось и увешанных оружием головорезов, и шпионов, вышколенных японскими профессорами дзю-до. Им нечего было терять, на убийство они шли не задумываясь. Только мелькали лезвия бандитских финок и прямо в глаза заглядывал дульный срез браунинга или нагана...

Очень нужно было в этих смертельных поединках умение владеть простыми, безотказными приемами обезоруживания и задержания. И эти приемы были своевременно поставлены на вооружение. Но сегодня в основном только специалистам известно имя человека, которому довелось выполнить далеко не простую работу по созданию системы самозащиты и обучению приемам наших чекистов. Этим человеком был Виктор Афанасьевич Спиридонов.

Когда в начале шестидесятых годов я начал собирать материалы о Спиридонове, то рассчитывал прежде всего разыскать его родственников, обстоятельно побеседовать с ними, изучить сохранившиеся у них документы, записи, книги, фотографии. И, конечно же, в архиве детально ознакомиться со служебным личным делом Виктора Афанасьевича. В то время со дня смерти старого самбиста не прошло и двух десятилетий, еще были живы многие его ученики, сослуживцы. Казалось, что поиски не должны встретить особых затруднений. Но так, к сожалению, только казалось...

Детей у Виктора Афанасьевича не было, а его жены и братьев уже не оказалось в живых. После долгих розысков в различных архивах и многочисленных запросов я получил официальное сообщение о том, что личное дело Спиридонова уничтожено в военном сорок первом году.

Человеческая память, увы, тоже оказалась ненадежной. Совсем по-разному рассказывали, например, о дореволюционной профессии Спиридонова три хорошо знавших его старых динамовца. «Я считал, что Спиридонов — капитан дальнего плавания», — уверенно сказал один из них. А другой с той же категоричностью: «Он же был полковником гвардии! Я точно знаю... Высокий — два метра роста, выправка отличная!» Третий хотя и не мог дать точного ответа на мой вопрос, но твердо помнил, что Виктор Афанасьевич отлично умел... шить дамские ботинки («Знаете, такие высокие, как в то время носили»).

Не буду утомлять вас описанием того, как я отыскивал дом, в котором когда-то жил Спиридонов, как с помощью его бывшей прислуги удалось в конце концов найти в Горь-

ком единственную оставшуюся в живых родственницу Виктора Афанасьевича. Эта родственница знала Спиридонова очень хорошо и даже сохранила семейный старый-престарый фотоальбом. Так что хотя собирать материал пришлось по крохам, восстановить биографию Спиридонова все-таки удалось.

Действительно, еще до революции он был кадровым офицером. Но не полковником и не гвардии. Служить начал рядовым, уйдя в армию с семнадцати лет вольноопределяющимся. Получил унтер-офицерские лычки и был командирован в Казанское пехотное училище.

Юнкеры еще осваивали тактику и фортификацию, кололи штыком чучело, а над Желтым морем у Чемульпо уже прогремели орудия «Варяга». В 1905 году в новеньких офицерских погонах Спиридонов направляется туда, где разгорелись сражения печально знаменитой русско-японской войны, в Манчжурию. На его долю выпал совсем недолгий период фронтовой жизни, но, должно быть, у зеленого подпоручика была настоящая солдатская хватка: домой он возвратился с крестом Станислава на груди.

Несмотря на фронтовые заслуги, успехи Спиридонова по службе, как и любого армейского пехотного офицера, провинциального «армеута», были невелики: истекшие десять лет приносят ему повышение всего лишь на один чин. С первых же дней мировой войны он снова на передовой. Вторая война для командира пехотной роты поручика Спиридонова закончилась в тот самый день, когда в бою под посадом Лашевом над его головой разорвалась австрийская шрапнель. Тяжело контуженный и раненный, он год провалялся в госпиталях, а потом был «уволен от службы с производством в следующий чин и награждением мундиром и пенсией». Пенсия, впрочем, была совсем мизерной. Получивший после контузии тяжелое нервное заболевание Спиридонов обивал пороги военной канцелярии, пытаясь добиться дополнительного пособия. В выдаче пособия ему отказали. И не в те ли голодные годы пришлось Спиридонову научиться тачать дамские ботинки?..

Революцию Спиридонов встретил в Москве. Время было нелегким для бывших офицеров: в них видели потенциальных врагов, подозревали в измене. Отставному штабс-капитану пришлось почувствовать это на себе. Но именно тогда он раз и на всю жизнь сделал выбор: с кем идти. В девятнадцатом году Спиридонов работает в Главном броневом управлении Красной Армии. А вскоре, оправившись

от последствий контузии, становится преподавателем Московских окружных курсов инструкторов спорта и допризывной подготовки имени В. И. Ленина.

Среди многих дисциплин, которые изучали курсанты, была «защита и нападение без оружия». Должность главного руководителя по этому предмету занимал Виктор Афанасьевич.

Известно, что в те годы спорт, а тем более его преподавание стояли на очень низком уровне, особенно в России. Но если почти в любом из культивировавшихся тогда видов спорта уже существовал пусть очень небольшой, но тем не менее какой-то положительный опыт, то в том предмете, который преподавал Спиридонов — «Самозащите», не было даже этого. И кроме всего прочего, алчные и невежественные самозванцы — «знатоки» джиу-джитсу успели настолько скомпрометировать эту систему, что многие из спортивных специалистов уже просто не принимали ее всерьез. Многие, но только не Спиридонов. Бросавшиеся в глаза недостатки японской самозащиты не могли помешать ему усмотреть несомненные и немалые ее достоинства, выявить «рациональное зерно». И его не испугали ни сложность, ни объем работы, который предстояло выполнить. А начинать пришлось не то чтобы с нулевой отметки, но, если хотите, даже с отрицательной.

Никакой методики преподавания не было и в помине. Да и какая там методика, когда в его арсенале приемов было не более двух десятков, из них далеко не все — достаточно надежные! Абсолютно до всего нужно было доходить самому: какие приемы отобрать и показать курсантам, как объяснить их выполнение, в какой последовательности построить обучение.

В японской системе иные приемы (рекламы ради) исполнялись только одной рукой. Другой же следовало картинно подбочениться. Нет, не этому стал учить Виктор Афанасьевич своих питомцев. Уж кто-кто, а он-то отлично знал, что боевая схватка — это всегда и боль, и страх, и кровь. Позировать там нет времени. Главный руководитель придирчиво отбирал только самые надежные и простые приемы, на которые можно было положиться в любой переделке. Этому правилу он неизменно следовал в течение всех двадцати лет своей работы.

Приемы джиу-джитсу, преподносимые ученикам, вскоре были с военной четкостью классифицированы. В рамках этой классификации и в точном соответствии с ней были

введены русские названия приемов, полностью и бесповоротно вытеснившие неудобную, сложную и совершенно бессмысленную в русской речи японскую терминологию. Интересно, что спиридоновская классификация не утратила своего значения до сих пор, а ряд введенных им терминов живет и в боевом, и в спортивном самбо.

Работа велась, что называется, на ощупь. Далеко не все выходило гладко. Немало было ошибок, заблуждений. Да и могло ли их не быть при таких сложных условиях? Главное, что с самого начала Спиридонову удалось встать на тот путь, по которому пошло развитие всего современного искусства защиты и нападения без оружия: создание новой, «синтетической» системы, составленной из лучших приемов уже существующих систем. Первые шаги Спиридонова на этом пути были еще не слишком значительны, но не будем забывать, что шел всего лишь 1922 год. Именно тогда Виктор Афанасьевич решил дополнить приемы джиуджитсу нужными захватами из французской борьбы и ударами, разработанными в английском боксе. Разумеется, решение главных проблем еще предстояло в будущем, но и тогда, всего лишь по истечении второго года работы, у Виктора Афанасьевича были основания говорить о преподаваемых им приемах как о «проверенных на опыте, в жизни, обучавшимися ранее лицами».

В том же 1922 году Ф. Э. Дзержинский, руководивший службой государственной безопасности, поставил перед чекистами задачу постоянно совершенствовать свое стрелковое искусство и физическую подготовленность. Ведь эти факторы не только входили в число слагаемых, обеспечивающих успех проводимых операций, но и гарантировали в определенной мере жизнь чекиста в опасных ситуациях.

Созданное вскоре спортивное общество «Динамо», объединив в своих рядах спортсменов-чекистов, пограничников и милиционеров, приняло на себя солидную долю работы по выполнению поставленных Ф. Э. Дзержинским задач. Естественно, что этому обществу, кроме всего прочего, предстояло возглавить и работу в области такой специфической спортивно-прикладной дисциплины, как самозащита без оружия. И действительно, динамовская секция защиты и нападения вскоре стала общесоюзным центром по разработке техники, тактики, методики преподавания и пропаганде самозащиты. А начать всю эту деятельность и направлять ее в дальнейшем довелось Спиридонову.

В числе самых первых спортивных специалистов пришел он на работу в новорожденное общество. И, наверное, это было вполне закономерно. В 1923 году Виктор Афанасьевич являлся наиболее знающим, если вообще не единственным, специалистом в своей области. Входил он к тому времени и в спортивный актив столицы. Все это, несомненно, предопределило его приход в «Динамо», но думается все же, что главная причина была иной. Как и прежде, Спиридонов стремился на передний край, в гущу новых полезных дел. Недаром же рассказывают, что этот бывший фронтовой офицер по собственной инициативе вместе со своими учениками из угрозыска не раз участвовал в операциях по ликвидации воровских притонов.

Спиридонов получил теперь огромную, всесоюзную аудиторию. Очень внимательную и очень нуждающуюся в его суровой науке. Несмотря на неизмеримо возросший объем работы, Виктор Афанасьевич трудился со свойственной ему энергией и с полной самоотдачей. Обучал боевым приемам чекистов, работников милиции, командиров и бойцов пограничных войск. Вручал им то самое «невидимое оружие», которое так было необходимо в их благородном, но опасном труде. Для оперативных работников проводился специальный курс — всего в четырнадцать часов. И не одному здоровенному бандиту случалось изумляться тому, что скрутил его невысокий и слабосильный на вид чекист.

Деятельность в «Динамо» не только предъявляла новые, неизмеримо возросшие требования — она давала широчайший простор для осуществления самых смелых планов. В предисловии к одной из своих книг Спиридонов впоследствии напишет: «Издавая настоящий труд, являющийся результатом практической работы в стенах Московского Пролетарского Спортивного Общества «Динамо», я приношу свою искреннюю благодарность Обществу за предоставленную мне богатую возможность доказать на деле жизненность и важность «Самозащиты и нападения без оружия».

Решить задачу преподавания самозащиты во всесоюзном масштабе можно было только вырастив сотни хорошо подготовленных инструкторов. И Спиридонов работает над проблемой подготовки инструкторских кадров. Уже через несколько лет рядом с ним встала целая шеренга лучших его учеников, способных воспитывать не только рядовых самбистов, но и умелых преподавателей. Особенно выделялись двое из них — Д. А. Давыдов и М. И. Соломатин, которых Виктор Афанасьевич с благодарностью и уважением

называл своими постоянными помощниками в трудном и новом деле создания стройной системы «Самозащиты». Одна за другой выходят в свет три книги Спиридонова, излагавшие основные принципы его системы. Секции самозащиты (группы совершенствования, как их тогда называли) начинают функционировать и во многих других динамовских организациях: в Ленинграде, Ростове-на-Дону, Свердловске, на Украине, в Сибири и Закавказье. Неутомимый патриот своего дела, Виктор Афанасьевич объездил весь Советский Союз, пропагандируя приемы самозащиты. Всегда очень охотно выступал в чекистских и милицейских клубах, в учреждениях и воинских частях. Превосходный рассказчик, он умел быть интересным для любой аудитории. А. А. Харлампиев, пришедший в «Динамо» сразу же после Спиридонова, вспоминает: «Пропагандист был очень хороший. Куда бы мне ни приходилось выезжать, я везде встречал огонек интереса к самбо, зажженный в свое время Спиридоновым».

От старика, динамовского бухгалтера, давным-давно ушедшего на пенсию, узнал я еще об одной очень показательной черте спиридоновского характера.

С первых же лет существования «Динамо» его руководство исходило из жестких принципов самоокупаемости, не допуская того, чтобы спортобщество стало иждивенцем государства, испытывавшего в то время экономические трудности. Естественно, что финансовые возможности «Динамо» были ограниченными и денег время от времени не хватало. И вот главный руководитель секции самозащиты был, оказывается, одним из тех фанатически увлеченных своим трудом тренеров-энтузиастов, которые нередко соглашались поработать месяц-другой без зарплаты.

В своей работе Виктор Афанасьевич ставил перед собой только чисто практическую цель: создать эффективную систему самозащиты. Случилось, однако, так, что на основе этой системы родился в нашей стране новый прикладной вид борьбы в одежде, в котором разрешалось применять болевые приемы. Тот вид, что сегодня мы называем борьбой самбо.

Дело в том, что полученные на занятиях боевые навыки лучше всего закреплялись и совершенствовались в вольной схватке. Состязание является как бы высшей степенью тренировки и последним этапом совершенствования бойца при изучении самозащиты — таково было мнение Виктора Афанасьевича. И его ученики выходили на ковер в курточ-

ках, борцовских ботинках (а чаще просто в гимнастерках и носках) и, исключив из своего арсенала удары, проводили учебные схватки. Ненароком родившийся вид спорта оказался очень интересным и увлекательным. Постепенно стали организовываться соревнования и даже первенства по специально разработанным Спиридоновым правилам.

Борцы разделялись на семь весовых групп, а проведение болевых приемов допускалось не только, как теперь, при борьбе лежа, но также и в стойке. Кроме того, использовались различные удушающие захваты. Все это, конечно, делало схватки сравнительно опасными и определяло высокие требования к хладнокровию, самообладанию спортсменов. «Состязующимся категорически воспрещается горячиться во время схватки, в каком бы темпе она ни проходила» — устанавливали правила и грозили нарушителям немедленной дисквалификацией. Это с наивной прямолинейностью сформулированное предостережение «горячащимся» вошло впоследствии в самые первые общесоюзные правила борьбы самбо.

В двадцать девятом году впервые был проведен чемпионат московского «Динамо» по новому виду борьбы.

В афишах, правда, для пущей общедоступности указывалось: «по джиу-джитсу». Из-за ограниченного числа участников первенство разыгрывалось только в четырех весовых категориях. И хотя считалось, что состязания эти закрытого типа, в течение всех трех дней, пока проходили упорные схватки на ковре, спортзал Высшей пограничной школы и старый динамовский зал на Цветном бульваре были переполненными. Мастера самозащиты не могли пожаловаться на недостаток внимания со стороны болельщиков. Интересно, что еще за полгода до этого первенства ученики Спиридонова, к тому времени уже неплохие борцы, успели получить боевое крещение в первой и единственной в истории советского спорта международной встрече по джиу-джитсу.

В погожие осенние дни 1928 года вся Москва жила спортивными состязаниями еще невиданного в стране размаха — Всесоюзной спартакиадой. На многолюдных улицах яркими пятнами горели красочные национальные костюмы посланцев всех советских республик. Слышалась иностранная речь: для участия в Спартакиаде в Красную столицу прибыли рабочие-спортсмены многих стран.

Еще несколько лет назад члены Нойкегельнского рабочего союза джиу-джитсу писали в Москву о своем желании

побывать в Советской России, поделиться своими познаниями. И вот теперь в состав немецкой делегации вошло несколько специалистов по джиу-джитсу. Немцы выступали в московских парках с показательными схватками, демонстрируя молниеносные броски и неотразимые захваты. Японская система была тогда в новинку даже для задававших тон в спорте западноевропейских стран. И, конечно же, немецких спортсменов очень удивило, что в далекой Москве оказались свои собственные мастера самозащиты. Да и не только оказались, но даже осмелились бросить им вызов. Однако самый большой сюрприз ожидал гостей впереди. Хотя они точно следовали всем предписаниям японских профессоров, московские парни сумели все-таки победить их в этой знаменательной товарищеской встрече.

Та борьба, с которой столкнулись в Москве германские рабочие-спортсмены, хотя далеко еще не стала борьбой самбо, какой мы видим ее сегодня, но уже не была и японским джиу-джитсу в точном смысле этого слова. В нарушение основного японского канона Спиридонов стал смело использовать подсказанные жизнью варианты основных приемов. И если в джиу-джитсу господствовала аксиома «каждый прием и при любых условиях удастся», то Виктор Афанасьевич разработал способы мгновенных переходов от неудавшегося к следующему приему. Хорошо зная все достоинства джиу-джитсу, Спиридонов тем не менее никогда не был бездумным адептом этой системы. Его мнение категорично и не двусмысленно: «Искусство самозащиты помогает одержать победу всеми имеющимися средствами, поэтому при самозащите нельзя придерживаться одной какой-либо системы, никогда не охватывающей всех многочисленных и многообразных положений при жизненных столкновениях, а необходимо использовать все полезное и из других систем, раз это ведет к победе». И Спиридонов смело вводит в практику лучшие приемы, заимствованные из различных видов борьбы, берет на вооружение удары из английского и французского бокса, кропотливо отыскивает самобытные приемы, рожденные боевой и бытовой практикой. Отлично понимая, что любой прием «работает» только при необходимой скорости исполнения, начинает (едва ли не впервые в практике отечественной борьбы) хронометрировать время, затрачиваемое на их проведение.

При всем этом он создает не некую систему самозащиты «вообще», а четко ориентированную на наши условия. По этой причине, в частности, оказались выброшенными

излюбленные у японцев нажатия на «чувствительные точки». Значительно отличающийся от японского тип нашей одежды сводил на нет всю эффективность таких приемов.

В результате многолетнего труда Спиридонова на свет появилась оригинальная система самозащиты, у которой общего с джиу-джитсу оставалось только название. От него, естественно, тоже пришлось отказаться. Свою систему Виктор Афанасьевич поначалу именовал просто «самозащита». Впоследствии, отдавая дань модным тогда сокращениям, назвал ее системой «Сам». Но, вероятно, это название было не самым удачным. Рождаются новые его варианты — «самоз» и, наконец, звонкая аббревиатура «самбо» (самозащита без оружия).

Разумеется, самбо двадцатых-тридцатых годов выглядело значительно скромнее своей нынешней модификации. Для того чтобы этот родившийся в нашей стране вид борьбы приобрел всю свою современную мощь и красоту, потребовалась еще долгая творческая работа множества спортсменов, тренеров, специалистов. Среди них в первую очередь надо назвать тех двух, чьи имена по праву стоят у колыбели борьбы самбо рядом с именем Спиридонова, — Василия Сергеевича Ощепкова, человека интереснейшей судьбы, который еще мальчишкой оказался в Японии и был одним из первых, если не самым первым, европейцев, кто удостоился там черного пояса — мастерской степени по дзю-до, и его ученика, ныне здравствующего заслуженного мастера спорта и заслуженного тренера СССР А. А. Харлампиева, потомственного спортсмена и тренера.

Но хотя история борьбы самбо начинается именно со Спиридонова, сам он едва ли когда-нибудь задумывался об этом. Делом своей жизни он считал созданную им систему самозащиты без оружия «Сам».

Один из учеников Спиридонова рассказывал, что Виктор Афанасьевич умер прямо на самбистском ковре, когда в наиболее тяжелые военные годы обучал приемам наших разведчиков перед заброской их в немецкий тыл. Сам рассказывавший этого не видел, но уверенно называл даже город, где это якобы произошло. В действительности же Спиридонов умер дома от неизлечимой болезни. Но разве рождение такой вот легенды не показывало, что старый самбист, вопреки самой смерти, остался в строю, как солдат, навечно занесенный в списки своей роты!..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я дописал последнюю фразу заключительной главы, поставил точку и, пожалуй, именно в этот момент понял, как далека еще от завершения эта книга...

Три десятилетия назад я начал изучать прошлое отечественного бокса и борьбы. И чем больше я узнавал, тем обширнее становилась сфера неизвестного. Едва удавалось достаточно четко установить одну группу фактов, как рядом с ними немедленно, словно грибы, вырастали контуры новых и совсем уже неизвестных событий. Поиски необходимых документов и сведущих людей длились годами. При этом беспрерывно расширялся не только объем, но и география поиска. Пока речь шла лишь о Москве или Ленинграде, положение было еще терпимым. Но ведь даже шестьдесят-семьдесят лет назад спортивная жизнь не ограничивалась рамками только этих крупных центров! Среди городов, первыми начавших культивировать в нашей стране бокс, и Новороссийск, и Мариуполь, и далекий Канск.

Всего не перечислишь, но каждое из этих происходивших в провинции событий являлось и интересным, и достаточно значимым эпизодом в истории российского спорта. Забыть, отмахнуться от них было бы не только несправедливо, но и просто неразумно...

Проходят годы, бывшие спортивные баталии забываются, но отнюдь не утрачивают своей напряженности и остроты. А как много относящихся к ним материалов пребывает все еще в полной безвестности!

Быть может, еще и сейчас в чьих-то семейных преданиях живет неизвестное нам имя славного петровского гренадера, бившегося некогда с лучшим британским боксером. В частных архивах хранятся уникальные старинные фотографии, программы состязаний и чемпионские дипломы, написанные от руки, а где-нибудь на Невской набережной не спеша прохаживается старый мужчина, тот самый, который еще мальчишкой присутствовал на первом чемпионате России по боксу и случайно фотографировался в группе его участников рядом с Иваном Граве... Как это было бы здорово — собрать и сохранить все эти исчезающие буквально на наших глазах интереснейшие документы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Имя из летописи	7
Глава II. Гренадер Петра I	20
Глава III. «Арена Кистера»	31
Глава IV. Первый и абсолютный	49
Глава V. Этот давний матч в дни конгресса Коминтерна	60
Глава VI. Всероссийская преодоллимпиада — да- лекий прообраз наших Спартакиад	73
Глава VII. Система «Сам»	85
Послесловие	95

Михаил Николаевич Лукашев

СЛАВА БЫЛЫХ ЧЕМПИОНОВ

На обложке фрагмент картины Анри Руссо

Заведующая редакцией З. В. Дворцова. Редактор Т. А. Не-
чистик. Художник Ю. И. Селиверстов. Художественный ре-
дактор Б. Л. Реаников. Технический редактор Л. В. Туркова.
Корректор З. Г. Самылкина

A08383. Сдано в производство 3/Х 1975 г. Подписано к печат-
ти 12/II 1976 г. Бумага тип. № 2. Ф-т 84×108¹/₂. Печ. л. 3,0.
Усл. п. л. 5,04. Уч.-изд. л. 5,13. Бум. л. 1,5. Тираж 50 000 экз.
Издат. № 5127. Цена 17 коп. Зак. 658.

Ярославский полиграфкомбинат «Союзполиграфпрома» при
Государственном комитете Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014,
Ярославль, ул. Свободы, 97.